

Константин Фряг

ЧЁРНАЯ

ТЕРЦИЯ

18+

Константин Фряг

Чёрная Терция

«Автор»

2026

Фряг К.

Чёрная Терция / К. Фряг — «Автор», 2026

История Адэра Пелинора продолжается. Война началась, а с ней и самые мрачные страницы в жизни бывшего уличного оборванца и будущего сенатора.

Содержание

Интерлюдия I	5
Глава 1. Снова в тюрьме	7
Глава 2. Пожар и мудрец	11
Глава 3. Орацио Юлий	16
Глава 4. Sanguis expiatio	21
Глава 5. Простак Марко	26
Глава 6. Святая Аша	31
Глава 7. Великая пустыня	39
Глава 8. Крепость Аджаб	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Константин Фряг

Чёрная Терция

Интерлюдия I

Треск дерева, гулкий звук удара тупого наконечника о металл. Противник, закованный в сталь тяжёлого турнирного доспеха, вылетел из седла и упав, поднял целое облако пыли. Победивший Жак Морван поднял вверх обломок копья, приветствуя ликующие трибуны. Сейчас простовато выглядящий дворянин восседал на прекрасном скакуне, облачённом в жёлто-зелёную попону, а тело всадника защищала богато украшенная тяжёлая броня, подобная той, что носили рыцари в старые времена.

Асми, наблюдавшая турнир из сенаторской ложи, была поражена не только пышностью всего действия, но и тому каким неведомым образом работникам Арены удалось заменить песок на утоптанную пыльную землю, больше подходившую для поединков всадников. Её господин, эксцентричный сенатор Адэр Пелинор, упоминал, что Арену даже возможно затопить водой, чтобы разыгрывать морские бои древности, но рабыня из далёкой северной деревни не до конца в это верила.

Впрочем, многое из поведанного ей хозяином казалось неправдоподобным. Вот уже несколько вечеров к ряду Асми слушала рассказы своего господина о прошлом того. И если верить всему, что говорил Пелинор, то выходило, что один из самых богатых и влиятельных людей Империи некогда был не только простым уличным оборванцем, но ещё и вором, притом состоявшем в одной из самых лихих шаек из тех, что когда-либо знал преступный южный город Ньюциттия.

Девушка взглянула на высокого, широкоплечего мужчину с чёрными волосами и тяжёлыми бровями, прильнув к которому сейчас сидела в ложе. Против ожидания, сейчас на лице сенатора Пелинора не играла привычная лукавая ухмылка, которую он привык демонстрировать окружающим как маску, в его тёмно-зелёных глазах можно было разглядеть далёкую, давнюю грусть, будто он не только радовался триумфу старого друга, но и вспоминал что-то из того, что не очень хотел.

– Господин? – Осторожно обратилась Асми к Пелинору, вопрошающе посмотрев на того своими большими голубыми глазами.

– Ах, что?.. – Эксцентричный дворянин вышел из оцепенения и несколько мгновений озибался по сторонам, будто только сейчас вспомнив, что находится в сенаторской ложе Арены. – Прости, я немного задумался. – Проговорил он то, что и так было очевидно. – Господа, за моего друга Жака Морвана! – Уже гораздо громче объявил Адэр, поднимая свой кубок с вином, из ложи стали раздаваться одобрительные выкрики. – Увы, вынужден покинуть ваше прекрасное общество, сами понимаете, меня ждут дела на вилле.

– Ну же, Пелинор, не томите, – весело произнёс с заднего ряда один из сенаторов помоложе[A1] – дайте хотя бы намёк на то, какой теме будет посвящён приём в этом году.

– Всему своё время, Ланий, всему своё время. – Лукаво ответил хозяин самых громких вечеров столицы Таролокии.

Всю обратную дорогу до виллы, стоящей в пригороде у восточной дороги, Асми не спускала глаз со своего господина, в отличие от сенаторов она знала, что почти все хлопоты по подготовке к одному из самых важных приёмов в году, Пелинор переложил на плечи сварливого, но исполнительного слуги Симона, тогда как сам больше был занят тем, что долгими вечерами рассказывал своей рабыне о его непростом прошлом. По неизвестной причине Адэр Пелинор решил раскрыться именно перед невольницей с севера, притом, девушка не могла не

подметить, что зачастую, приступая к рассказу, обычно непоколебимый победитель Цезона-Великана, выглядел непривычно взволнованным.

– Ты, наверное, хочешь узнать, как мы познакомились с Жаком? – По-своему истолковал хозяин продолжительное молчание Асми.

– Как скажите, господин. – Неопределённо ответила рабыня, всё же её больше занимала судьба самого Пелинора, ставшего из уличных воришек одним из самых влиятельных людей самой могучей из известных империй.

– Увы, но до этого нам придётся ненадолго задержаться в одном, далеко не самом приятном, месте. – Сказал черноволосый сенатор, когда экипаж уже подъезжал к вилле.

Привычно пройдя сразу в кабинет и сбросив с себя тёмно-красный колет, Адэр Пелинор расположился за столом, наполнив два гравированных серебряных кубка лёгким вином. Асми села напротив своего господина и приготовилась слушать.

– Впрочем, для начала, тебе, всё же, не было бы лишним познакомиться с трудом одного моего знакомого автора. – С этими словами господин протянул рабыне средних размеров томик, с чуть потрёпанной простой кожаной обложкой.

Асми осторожно приняла из рук Пелинора книгу и, раскрыв на первой странице, прочла название.

– О причинах падения Третьей Империи... – чуть помедлив, девушка снова пробежалась глазами по названию. – Но...

– Понимаю, примерно такое впечатление, обычно, на всех и производит. – Усмехнулся черноволосый сенатор.

– Но позвольте, – снова от волнения Асми забыла должным образом обратиться к своему господину – ведь Третья Империя...

– Да, она явно ещё жива. Но чтобы понять, почему эта книга носит именно такое название, нужно чуть больше узнать о том, кто написал её, а был это...

Глава 1. Снова в тюрьме

– Орацио Юлий. – Добродушно представился мужчина с кругловатым, располагающим к себе лицом, невысокий, с заметными залысинами в волосах, среди которых белые уже явно преобладали над каштановыми.

Вместо ответа я только кинул в его сторону усталый, раздражённый взгляд и отвернулся к стене, сейчас я совершенно не имел желания ни с кем говорить. Впрочем, как и вообще делать что-либо ещё.

Дорогу через весь город, от Пьяцца дель Пиа Изабелла до Кастелло-Новус, я помнил смутно, как сквозь удушливую дымку костра в подземелье заброшенного храма, я видел, как горит туранская кофейня, как разъярённые горожане вытаскивают на улицу из домов любого, кто им казался похожим на шпиона Султаната, как тут и там раздаются выкрики с призывами бить оскуров и фараан. Город, улицы которого ещё не успели отмыться от крови, уже хищно оскалится, предвкушая войну.

Перекинутого через круп коня меня ввели через уже знакомые ворота замка-тюрьмы.

– Эй! – Окликнул стражников Мигель де Солер, ехавший впереди всех с торжествующим видом. – Закройте... этого где-нибудь отдельно.

– Но, господин, помилуйте, – стал оправдываться полноватый мужчина в кирасе – в замке и так сейчас все камеры заполнены.

– Я сказал отдельно. – Не приемля возражений и не дожидаясь ответа, Мигель спрыгнул на землю и направился в донжон.

– Ну, Паоло, и куда его? – Недоумённо обратился к своему сослуживцу озадаченный охранник.

– Можно к Профессору. – Меланхолично ответил Паоло.

– Так то же камеры для благородных.

– Ну а куда ты его предлагаешь, к обычному вору? Хочешь, чтобы потом и с нас Скорняк шкуры заживо содрал?

– Ладно, понесли.

Меня подхватили под руки и понесли по длинным и мрачным коридорам замка, остановившись около ничем не отличающейся от других деревянных дверей с небольшим решетчатым окошком.

– Добрый день, Профессор, – к моему удивлению, в голосе полноватого стражника не чувствовалось иронии или насмешки, он действительно вежливо обращался к арестанту – простите, но на время подселим к вам жильца.

– Ох, конечно, Ваше право. – Добродушно отозвался тот, кого называли Профессором.

Стражи замка-тюрьмы грубо швырнули моё тело в угол камеры, оглянувшись, я успел заметить, как мой сокамерник бросил на них осуждающий взгляд, к моему удивлению, те виновато потупились.

– Сейчас принесу тебе лежак. – Бросил мне Паоло перед тем как уйти.

Я окинул камеру взглядом, к моему удивлению, в обычной небольшой каменной камерке у стены стояла самая настоящая кровать, у узника был свой стул и даже письменный стол с двумя простыми медными подсвечниками. Только спустя несколько мгновений в моём затуманенном сознании возникло понимание, что мне уже доводилось видеть эту камеру, только тогда я спускался по внешней стене замка с помощью верёвки. А значит мой сокамерником был тот самый вежливый полуночник, что, не смотря на обстоятельства, учтиво поприветствовал ночного вора.

Впрочем, сейчас мне до этого особо не было дела. Даже когда мой сокамерник вежливо представился, я только отвернулся к стене. Вскоре вернулся Паоло с тюфяком набитым соло-

мой и швырнул его рядом со мной. Приложив усилия, я перебрался на предоставленное мне «ложе» и провалился в тёмное, вязкое забытие.

Мне снилась Ньюциттия, точнее этот город только напоминал знакомые очертания, но вместо привычных пёстрых домов, вдоль улиц стояли неясные громады теней, а мостовых и не было вовсе, казалось древние камни наконец провалились вниз, в нескончаемые подземелья. Однако, не тьма из глубин под город затопила мостовые, а вязкая, густая, тягучая тёмно-красная кровь. И в этих багровых реках я мог видеть всех, кого когда-либо знал, они тонули, молили о помощи, тянули ко мне руки, но я шёл прямо по ним, ступая ногами прямо на их лица, топя в этой липкой, мерзкой жиже: родители, Маниферро, Элия, Портовые Крысы, Вичиоза, Хирон, Луиджи, Манчини и, наконец, Бьянка.

Я проснулся в холодном поту, жадно глотая ртом воздух. Единственное зарешеченное окно выходило на восток, где над морем уже невысоко поднялось солнце. Значит я проспал всю ночь, но отдохнувшим себя не чувствовал, всё тело болело, что было неудивительно после того, как несколько полудиких аргулетов с Магарейских гор избили меня прикладами до потери сознания.

Дверь камеры со скрипом открылась и в проёме показались несколько стражников.

– Эй ты, живо, пошли. – Только и приказал самый грозный из них.

Меня тут же снова подхватили под руки и повели куда-то по тёмным коридорам. Долго думать куда меня снова волокут не приходилось, так что, когда моё измученное тело втокнули в плохо освещённую комнату, я совершенно не удивился тому, что увидел внутри. Дыба, столбы, клетки и, конечно же, множество колёс, метод дознания почитавшийся Церковью, считается, что преступник не станет врать привязанным к чему-то, напоминавшему священный символ Солнца, выкручиваемые и ломаемые при этом кости также этому способствовали. Посреди пыточной стоял простой деревянный стол, двоих из сидевших за ним, а именно полноватого мужчину с бородкой-клинышком и худощавого лысеющего старого господина я не знал, третьим же был ни кто иной как сам Мигель де Солер, иначе прозванный Кровавым.

– Туда. – Деловито буркнул восседавший посередине лысоватый старик и указал крючковатым пальцем на табурет перед столом.

Когда стражники грубыми тычками усадили меня место, на миг я почувствовал облегчение, значит меня не собирались пытать, по крайней мере не сразу.

– Имя? – Всё так же собранно, по-деловому, продолжил он.

В ответ я одарил его только гневным взглядом, за что тут же получил удар под рёбра от одного из стражников, от чего в глазах на миг потемнело.

– Я спросил твоё имя. – Как ни в чём не бывало продолжил имперский чиновник.

– Корво. – Буркнул я, не поднимая головы, и тут же на меня посыпались новые тяжёлые тумачи от стороживших меня латников.

– Мальчик, мы можем так продолжать хоть весь день, но чем быстрее ты назовёшь своё имя, тем будет лучше и для нас, и для тебя. – Всё тем же тоном служащего торгового дома, пересчитывающего мешки зерна, проговорил обладатель глубоких залысин и крючковатого носа.

– Да в Бездну его имя, Скораджо! – Внезапно взорвался гневом Мигель де Солер и вскочил со своего места по левую руку от судейского чиновника. – Слушай, ты, – обратился он уже ко мне – мне плевать как там тебя зовут, ты знаешь что нам интересно только одно. И так или иначе мы вытящим из тебя ответ, разница лишь в том, отправишься ли ты отсюда на галеры с целыми ногами или нет. Говори, где всё, что вы украли из банка Пентенери!

Я понимал, что это не пустая угроза, что сколько бы я не храбрился, но передо мной были те люди, что действительно вытянут из меня всё, рано или поздно, и ни что их не остановит, однако гнев во мне не позволял дать им то, чего они хотят, поэтому в ответ я лишь только злобно улыбнулся окровавленным ртом.

– Ладно, ничего другого я не ожидал. – С какой-то мрачной радостью в голосе произнёс де Солер. – Позвать дознавателя! – Приказал он стражникам.

– Но, позвольте, господин де Солер! – Впервые подал голос полноватый мужчина с бородой, на удивление, звучал он высоко, если не сказать пискляво. – Насколько я вижу, юноша ещё совсем молод, для начала мы должны удостовериться, что ему исполнилось пятнадцать, иначе...

– Иначе?! – Гневно перебил его Кровавый Мигель. – Вам напомнить, господин Лампини, какие полномочия дарованы мне Сенатом и Императором? Это дело государственной важности, и я не потерплю задержек под какими-то надуманными предложениями. Эй вы, почему ещё на месте?! – Прикрикнул он уже на стражников.

– Помилуйте, господин де Солер, но мастер-дознаватель не появлялся со вчерашнего дня, как узнал про галеон, этот самый... Лонгиний, у него там вроде как брат или сын был. – Тут же начал оправдываться один из крепких латников.

– Тогда сами привяжите его к колесу! – Отдал Мигель новый приказ.

– Позвольте, – внезапно де Солеру возразил спокойный скрипучий голос сухощавого Скораджо – но чтобы проводить дознание требуются определённое мастерство, в противном случае вы рискуете просто убить заключённого, ничего у того не выведав. – Впрочем жалости ко мне в его голосе отнюдь не было, всё та же деловая собранность, будто он не пытался остановить Кровавого Мигеля, а просто предупреждал его о возможном исходе.

Де Солер в гнев сжал кулаки, были видно как от злобы трясутся его руки, всё снова шло не так, как он рассчитывал.

– Вижу ты теперь уже не тот, каким был недавно, похоже и самому уже ничего не стоит преступить закон. – Не удержался я от того, чтобы ещё позлить его. – Знаменитый Мигель-скорняк сам стал как те, кого твои люди вздёрнули тогда на улице Святого Витта.

Это была последняя капля, всё что я помню дальше, как на меня посыпался град ударов разъярённого командующего ополчением. Связанные за спиной руки не давали мне прикрыться, да и смысла в это не было бы. Предводитель Эрмандады долго избивал меня, вымещая всю накопившуюся злость и обиду на этот город, восставший против него. Никто из присутствующих не смел его остановить или возразить.

– А теперь слушай меня. – Угрожающе склонившись над мной, лежащим на каменном полу, и тяжело переводя дыхание, произнёс Мигель де Солер. – Тела твоих дружков уже болтаются на главной площади, и не снимут их до тех пор, пока даже птицам и крысам не станет противно обгладывать гниль с их костей. Но если ты надеешься, что и тебя повесят рядом с ними, то забудь, ты не отделаешься так легко, щенок. Сначала мастер-дознаватель переломает тебе все кости, почти все, кроме тех, что тебе понадобятся, чтобы толкать весло на галере, где ты прикованным к скамье проведёшь остаток своей жалкой жизни, в темноте и нечистотах. – Командующий замолчал, вглядываясь в меня, ожидая какое впечатление на меня произведут его слова. – Уберите его, – приказал он стражникам – пусть ещё подумает в камере. До завтра, щенок. – Бросил мне Мигель де Солер напоследок.

Крепкие служаки снова отволокли моё обессиленное тело в камеру на грязный лежак. Любая попытка пошевелиться отдавалась новой болью, но главное – мне не хотелось двигаться, куда больнее чем древки алебард или кулаки Мигеля, меня ранили его слова. Даже пугающий образ моего безрадостного будущего был не так страшен, как мысли о нагих, изуродованных телах моих товарищей по Вичиозе и Бьянки, выставленных на всеобщее обозрение, где-то на одной из городских площадей.

Я перевернулся на спину, захотелось кричать от горя, боля и обиды, но из груди вырвался лишь слабый стон.

– Прошу, юноша, выпейте. Я бы предложил Вам вина, но, увы, располагаю только водой. – Раздался надо мной доброжелательный голос.

Я открыл глаза и увидел, как мой сокамерник протягивает мне простой оловянный кубок, на чуть кругловатом лице стареющего мужчины читалось неподдельное сочувствие, чем-то он в этот момент напомнил мне пару старых знакомых. А потом, как молния, в воспалённом сознании промелькнуло озарение.

– Орацио Юлий, я помню это имя. – Прохрипел я. – Вы – друг Джулио Ломбарди.

– Да, имею честь называть лекаря Ломбарди своим другом. – Подтвердил мой собрат по несчастью, расплывшись в мягкой улыбке.

Я принял из его рук кубок с водой и жадно припал к тому губами, только спустя продолжительное время вспомнив, что я сам так и не представился.

– Адэр. – Произнёс я, снова откинувшись на тюфяк спиной.

– Простите? – Не понял Орацио.

– Адэр. – Повторил я. – Это моё имя.

– Довольно редкое, для этих мест. – Заметил мой сокамерник. – И что же Вы такое совершили, Адэр, чтобы здесь оказаться? – Судя по всему, профессор спросил это не из простой вежливости, ему действительно было любопытно.

– Долго рассказывать.

– А разве Вы куда-то торопитесь? – Беззлобно поддел меня Юлий.

За зарешеченным окном сгустились сумерки, похоже жаркое весеннее солнце уже собиралось спрятаться за западными холмами и монастырём Святой Анахиты, только из нашей камеры мы бы этого всё равно не увидели. Поразмыслив немного, я понял, что если не найду чем занять себя, то мрачные мысли будут мучать меня до самого утра.

– Это долгая история. – Неуверенно начал я. – На острове Корну, в трёх днях пути...

Глава 2. Пожар и мудрец

– ... и теперь я здесь. Как бы я ни храбрился, но знаю, что рано или поздно дознаватель вытащит из меня всё раскалёнными щипцами, и путь мне после этого только на галеры. – Закончил я свой сбивчивый рассказ, когда за окном стояла уже непроглядная темнота.

Мой единственный слушатель долго молчал, видимо не находя нужных слов. В какой-то момент мне показалось, что он теперь вообще не захочет со мной разговаривать.

– Ну что ж, час уже поздний, лучше Вам отдохнуть. Кто знает какие возможности принесёт завтрашний день? Лучше Вам, юноша, быть готовым ко всему. – Произнёс Орацио Юлий, туша свечу и укладываясь в кровать?

– Завтра?! – Поражённо воскликнул я. – Да что, *in cullus*, изменится до завтра?!

– Знаете, чем отличается мудрец от дурака? – Вместо ответа бывший профессор задал мне неожиданный вопрос.

– Что? – Растерялся я окончательно.

– Во время пожара дурак стенает и мечется из стороны в сторону, а мудрец ищет место, которое ещё не охвачено огнём, да это продлит его жизнь на несколько мгновений, но кто знает, что может произойти за эти несколько мгновений?

В тот момент я подумал, что от долгого заточения в одиночестве мой сокамерник повредился духом. Однако тогда я ещё не подозревал насколько же он был прав.

После беспокойного сна без сновидений я проснулся ранним утром, ожидая, что вот-вот отворится тяжёлая дверь камеры и крепкие руки стражников снова поволокут меня в пыточную, только на этот раз мастер-дознаватель будет на месте, готовый исполнять приказы нетерпеливого Мигеля-скорняка.

Однако утро так и продолжало тянуться мучительно медленно. Судя по всему, где-то там, за мрачным и стенами тюрьмы, солнце уже поднялось в зенит, а про меня будто бы и не вспоминали. Мой сокамерник, почти с первыми лучами, сел за письменный стол и так и не поднимался из-за него, что-то сосредоточенно читая и делая заметки пером на отдельном листе бумаги. Ближе к полудню принесли и кормёжку, иначе трудно назвать грубый хлеб с жиденькой кашницей.

– Прошу, угощайтесь. – Вежливо произнёс Орацио.

К моему удивлению, еда у него была куда лучше, а по меркам тюрьмы небольшой кусок варёной курицы, сыр, оливки и белый хлеб так и вообще являлись настоящей роскошью.

– Но откуда? – Спросил я.

– Для человека с моим состоянием это было не так трудно. Конечно, благородные предки-патриции были бы неприятно поражены, узнав на что оно уходит, но разве мы будем спрашивать мнения древних мертвецов? – Лукаво произнёс представитель благородного рода Юлиев.

Однако, насладиться нежным куриным мясом мне так и не удалось, дверь камеры распахнулась и внутрь вошли несколько грозных стражников в кирасах и с алебардами. Признаться, в тот момент я даже на миг испытал мрачное облегчение, всё же беспокойное ожидание неизбежного было куда мучительнее.

Меня снова повели по тёмным коридорам вниз, туда где располагалась пыточная. Я внутренне пытался собраться, чтобы хотя бы достойно перенести само дознание, когда меня привяжут к колесу, будут выкручивать суставы и ломать кости. Однако, к моему удивлению, внутри мрачной комнаты присутствовал один лишь только сухощавый Скораджо, казалось, что со вчерашнего дня он так и не поднимался со своего места по центру стола, ни де Солера, ни Лампини, ни, главное, мастера-дознавателя здесь не было.

– Итак, продолжим. – Проскрипел судейский чиновник, когда меня усадили на всё тот же стул, говорил он так, будто с предыдущего допроса прошло всего несколько минут, а не целая ночь. – Назови своё имя, возраст, если умеешь считать, где родился.

– Адэр, – не стал на этот раз артачиться я – четырнадцать лет отроду, родился... в Нюциттии. – Всё же, всего судейскому чиновнику было знать незачем.

– Значит четырнадцать... – зачем-то повторил сухощавый крючокотвор, будто бы для него это имело какие-то особое значение.

Внезапно дверь распахнулась и внутрь пыточной влетел раскрасневшийся и запыхавшийся толстяк Лампини.

– Господин Скораджо! Господин Скораджо! – Кричал он так, будто замок был охвачен огнём. – Вы уже слышали, господин Скораджо? – Тут взволнованный мужчина с высоким голосом посмотрел в сторону моей персоны и стерегущих меня охранников. – Все вон! – Почти пропищал он. – Вон, я сказал!

– Господин Лампини, объяснитесь. – Наконец в голосе крючковатого Скораджо можно было услышать бледные отголоски чего-то похожего на человеческие чувства, вроде лёгкого негодования и неясной угрозы.

– Потом, всё потом. – Просто отмахнулся от чиновника Лампини, напоминавший сейчас спелый влажный томат. – Вы трое, – говорил он теперь чуть сдержаннее, обращаясь к стражникам – ожидайте за дверью. А ты, – теперь он смотрел прямо на меня, и, хотя пухлый визгливый мужчина пытался придать себе угрожающий вид, но в его взгляде всё равно читался страх, ему хватало ума понять, что даже избитый и ослабленный я легко смогу разделаться и с ним, и с со Скораджо – если только попробуешь что-либо вычудить, то снаружи ожидают трое латников с алебардами, а на шум сбежится ещё больше, так что оставь даже мысль об этом.

Неуверенно переглянувшись, все трое охранников, как и было приказано, вышли за дверь.

– Господин Лампини, я повторяю... – снова проскрипел Скораджо.

– Мигель де Солер скончался. – Перебил его толстяк, утирая пот со лба рукавом дублета.

Это известие погрузило пыточную в тишину, и так немногословный чиновник замолчал, а на его лице появилось что-то похожее на растерянность, только спустя несколько секунд он снова собрался, сложив перед собой руки в молитвенном жесте.

– На всё воля Митры. Да укажет свет мудрости достойному мужу путь в Златой Град... – начал было монотонно бубнить Скораджо.

– Оставьте, Алдо, – внезапно перебил его Лампини – сейчас есть кое-что поважнее.

– О чём Вы, Жакомо? – Теперь на худощавом лице, наконец, читалось неподдельное удивление.

– Тела этих негодяев из дубовой банды исчезли, притом стражники, приставленные их охранять, клянутся, что не помнят, как это произошло, вроде они вышли в полночь на пост, а потом с ними, видите ли, какое-то помутнение случилось. Сразу со всеми. – Скептически произнёс Лампини, уперев кулачки в полные бока.

– Врут, конечно же, надо распорядиться, что бы их...

– Да я не о том, – уже в третий раз за сегодня грубо перебил судейского Жакомо Лампини – есть кое-что, что мы должны решить сейчас же и немедленно. Только учтите, Алдо, если Вы не захотите в этом участвовать, скажите это здесь и сейчас же, и тогда мы с Вами забудем обо всём и больше никогда не станем возвращаться к этому разговору.

Между тем, пока толстяк Лампини пытался подговаривать на что-то судейского чиновника, я судорожно осмысливал внезапные новости. Итак, он сказал «скончался», не «погиб» или «убит», а именно «скончался», это значит, что умер знаменитый предводитель Эрмандады естественной смертью. Ну или это так кажется только на первый взгляд. Что если его отравили? Конечно же, многие недолюбливали Мигеля-Скорняка в Нюциттии, но только у одного чело-

века хватало власти, знаний, а главное была причина желать смерти командующему ополчением. Роза отомстила за смерть Бьянки, а затем позаботилась о том, чтобы тело подруги и её товарищей были похоронены, скорее всего где-то на кладбище монастыря Святой Анахиты. Подозреваю расправиться со стражниками новой каморре не составило труда: подкупить, запугать, использовать дурманные шарики Ломбарди, а то и всё сразу.

Я снова посмотрел на Скораджо, тот пока что не дал никакого ответа, а только лишь облокотился на стол, положил подбородок на свои сцепленные крючковатые пальцы и выжидающе посмотрел на Лампини, тот воспринял это как приглашение продолжить.

– Итак, де Солер скончался, его последние наёмники, которые помогали изловить него-дзев, уже отбыли на восток, где вскоре начнутся бои, а вся дубовая банда перебита. Да, именно вся. – Ответил Жакомо на удивлённый взгляд, который бросил в мою сторону Скораджо, кажется я начал понимать к чему он ведёт. – По крайней мере так думает большинство. Выходит, что есть только лишь один человек, который знает о том, куда разбойники запрятали награбленное, и о его существовании знаем только мы с Вами, Алдо.

– А как же стражники, что его конвоировали? – Неуверенно проскрипел Скораджо.

– Я знаю людей, которые могли бы о них позаботиться.

В пыточной снова повисло продолжительное молчание, а я, между тем, начинал понимать, что именно происходит. Лампини задумал прибрать себе все несметные богатства, и теперь уговаривал Скораджо помочь ему, видимо без судейского чиновника у толстяка, чью должность я всё ещё не до конца понимал, ничего бы не вышло.

– Нет, – наконец дал свой ответ сухощавый старик – если их просто прирежут, то это будет выглядеть подозрительно, я похлопочу, чтобы с первым же набором их отправили на восток.

– Ага! – Радостно взвизгнул Жакомо, несколько раз успевший перемениться в лице за последние секунды. – А от мастера-дознателя всё же придётся избавиться, как только он сделает своё дело. Не думаете же Вы его брать в долю? – Скорее, чтобы уточнить детали плана спросил у соучастника Лампини, чиновник ответил только мрачным молчанием.

Несмотря на чины и положение эти двое ничем не отличались от простых уличных разбойников, делящих внезапно перепавший им куш.

– Теперь осталось только вытянуть из этого всё, что ему известно. – Вожделенно улыбнувшись, посмотрел прямо на меня толстяк. Ему явно уже виделись горы золотых торо и россыпи драгоценных камней, его взгляд был не злобным, а будто бы похотливым, будто мысль о богатстве будоражила его куда сильнее, чем любая из женщин. Мне стало не по себе. – Я прикажу позвать мастера-дознателя.

– Подождите, внезапно остановил его Скораджо – узнику ещё не исполнилось пятнадцати лет, а значит мы не можем применять пытки.

– О чём Вы? – Поражённо уставился на подельника Лампини.

Признаться, меня это тоже удивило, вроде бы эти двое только что задумали присвоить себе богатства, принадлежавшие Империи, но тут старика остановила такая мелочь? Хоть подобная щепетильность, конечно же, и была мне на пользу, но всё равно не могла не поражать.

– У мастера-дознателя могут возникнуть ненужные вопросы. – Пояснил свои опасения Скораджо.

– Да о чём Вы?! Парню на вид и все шестнадцать можно дать! – В другой ситуации подобное замечание мне бы польстило, однако не сейчас. – Впрочем, возможно Вы и правы, Алдо. – После задумчивого молчания произнёс Лампини. – Лучше дать всей этой истории улечься, а потом уже действовать. Эй, ты – визгливо окликнул он меня – когда тебе исполняется пятнадцать?

– Пятнадцатого секундарию. – Соврал я, в надежде дать себе, хотя бы, полтора лишних месяца.

– Ты явно лжёшь, даю тебе времени подумать до начала зимы, если добровольно не скажешь нам где ты с друзьями спрятал золото, то палач вытащит эти сведения из тебя щипцами. Ты подумай-подумай, – толстяк попытался придать своему писклявому голосу проникновенности и сочувствия, вышло фальшиво – расскажешь нам всё добровольно, отпустим тебя, может ещё и горсть золотишка отсыпим, чтобы не болтал лишнего.

– Подумаю. – Буркнул я в ответ. Конечно же я не верил ни единому слову, всё что я получил бы, выдав наш тайник в подземельях Ньюциттии, так это пальмус заточенной стали под рёбра.

Между тем, Лампини уже подошёл к двери и открыл её.

– Отведите пленника обратно в камеру. – Приказал он стражникам. – Кстати, где он содержится?

– Вместе с профессором Юлием. – Ответил один из латников.

– Вместе с профессором... – задумчиво повторил Жакомо. – Ладно, пойдёт. – Произнёс он, скорее самому себе, а затем снова обратился к охранникам замка-тюрьмы. – Передайте мой приказ остальным, чтобы этого заключённого не переселяли в другую камеру. И следите, чтобы с ним ничего не произошло, поняли?

– Слушаюсь, господин Лампини. – Отчеканили все трое, даже не подозревая какую судьбу уготовил им этот господин, как я выяснил позже, являвшимся гражданским чиновником, ответственным за содержание тюрьмы Каstellо-Новус, или, проще говоря, её хозяином.

Вскоре я снова очутился на своём лежаке в начинавшей становиться уже привычной мне камере с добродушным узником по соседству. Однако теперь очень многое успело поменяться с того момента, как я был здесь в последний раз, главное – у меня появилась надежда. Да, всё ещё призрачная, но хотя бы такая. Конечно же, Лампини попытается избавиться от меня, как только, так или иначе, выведает про тайник банды, однако до того момента у меня есть ещё около полугода. Кто-то бы сказал: «Всего лишь полгода», но для меня это были «целых полгода». Как показал сегодняшний день, за столь короткий срок может многое измениться. В конце концов, я уже дважды сбегал из этой тюрьмы, конечно же, впервые только благодаря отцу, а во второй раз предварительно тщательно подготовившись, но это не меняло сути дела, я верил, у меня есть шанс.

Откинувшись на лежак, я почти позволил себе расслабиться и взглянул на своего сокамерника, который в этот момент что-то снова сосредоточенно писал большим пером на бумаге. Орацио Юлий был прав, когда говорил про мудреца и пожар.

Впрочем, всё это навело меня на новые размышления. Если мой собрат по заточению настолько умен, опытен, да и к тому же, как я выяснил, обладает богатством и, судя по всему, неплохими связями, то почему он сам до сих пор находится в этих стенах? Можно ли довериться суждениям такого человека? Не окажусь ли я в итоге в ещё более жуткой западне? Я снова посмотрел на Орацио, он всё так же продолжал бегло выводить буквы чернилами на бумаге, я не решился его отвлекать. Да и к тому же, что именно я должен спросить его?

Между тем, небо за оконной решёткой уже окрасилось в розовые закатные цвета, растворилась дверь камеры и низкорослый мужчина в обносках, которому явно платили несколько медяков за самую несложную работу в замке-тюрьме, в сопровождении стражника принёс ужин. Снова мне досталась лишь жиденькая каша и немного грубого хлеба, тогда как для Юлия нашлись и сыр, и оливки, и даже курица. Подозреваю, этот, не самый изысканный, по меркам свободного человека, ужин, стоил ему не меньше, чем знатному потомку патрициев пир с самыми невообразимыми угощениями из стран Востока и Нового Света.

– Прощу, угощайтесь, – снова вежливо пригласил меня разделить с ним его трапезу, бывший профессор Таролокийского Университета – подозреваю, на этом – он кивнул головой на мою плешку – долго не протяните.

– Благодарю. – Искренно отозвался я и принял из его рук дымящийся кусок варёной куриной ноги, как мне показалось, себе он оставил меньше птичьего мяса, чем мне.

– Не смущайтесь, в моём возрасте уже тело не требует столького. – Поняв причину моего смущения, подбодрил он меня.

– Ну раз Вы настаиваете...

Когда с нашим, если учитывать место, роскошным ужином было почти покончено, я решился наконец осторожно начать расспрашивать своего сокамерника.

– Простите, господин Юлий... – неуверенно начал я.

– Можно просто Орацио. – Вежливо поправил он меня.

– Орацио, не будет ли грубым с мой стороны...

– ... узнать, как я здесь очутился? – шутливым тоном закончил за меня профессор.

– Да. – Смущённо подтвердил я. – Но как Вы?..

– Юноша, поверьте человеку с немалым опытом пребывания в заточении, о причинах попадания сюда все всегда и спрашивают в первую очередь. – Немного помолчав, Юлий продолжил. – Всё дело в том, что имперским цензорам крайне не понравился мой, на тот момент, новый труд, тем более его название.

– Ломбарди упоминал об этом. – Проговорил я, чем немного смутил собеседника, похоже обычно эти слова производили большее впечатление на слушателя. – Но Вы так и не сказали, что же за название книги могло довести человека до самого Кастелло-Новус?

– Ох, конечно, простите, я совсем забыл, что Вы знакомы с достопочтенным Джулио. А работа моя называлась «О причинах падения третьей Империи»

– «... падения третьей Империи» – Повторил я, поначалу даже не поняв, что именно мне показалось неправильным. – Третьей Империи?! Но, позвольте, ведь...

– Третья Империя всё ещё здравствует? Да, это именно так, однако, я решил действовать загодя, так сказать, описывать события с точки зрения очевидца-современника.

– Очевидца? – Снова ошарашенно переспросил я.

В тот момент мне на миг показалось, что передо мной настоящий безумец. Увы, я ещё не понимал, что эта беседа положит начало чему-то, что навсегда изменит мою жизнь.

Глава 3. Орацио Юлий

Казалось бы, все мы, несчастные души, заточённые в мрачных стенах Кастелло-Новус, должны были находиться в одинаково плачевных условиях, однако, на деле даже здесь положение и богатство имело значение. Орацио Юлий всё так же продолжал делить со мной свою роскошную, (для узника) трапезу, ведро с нечистотами из нашей камеры выносили почаще, чем у остальных, и, даже, пару раз в месяц позволяли обтираться водой с помощью губки и тазика, другие «постояльцы» замка были лишены даже этих простейших благ. Поначалу, мне казалось, что мои полгода – это не небольшой срок, но, боюсь, проведя их в нечистотах, ослабленный из-за скудной еды, завшивевший, я бы уже через несколько месяцев томительного заключения в маленькой каменной клетушке повредился бы разумом и пал духом.

Впрочем, отнюдь не голод и прочие телесные лишения представляют главную опасность для узника, куда страшнее мысли заточённого, предоставленного самому себе разуму. Находясь в мрачных стенах оставалось лишь предаваться воспоминаниям, а с ними и проходили и мысли, чаще всего невесёлые, гнетущие. За ними следовала и жгучая, съедающая вина. И если бы не общество Орацио Юлия, то вполне возможно, я бы не протянул весь тот скромный, отпущенный мне Лампини, срок до начала зимы, а лишился бы рассудка, как и многие из несчастных в Кастелло-Новус.

А началось всё с того самого вечера, когда я спросил своего собрата по заточению о причинах его пребывания здесь.

– Но, позвольте, – недоумевал я – Вы думаете, что Третья Империя падёт?

– Как и любая другая. – С улыбкой отозвался Юлий, будто речь шла не о потрясении основ мира, а о том, в какой таверне столичный профессор предпочитает обедать. – Всякий орёл падёт с небес, всякий град станет прахом под сандалиями путников... – Прочитировал он, тогда ещё, незнакомые мне строки.

– Значит, Вы полагаете, – я непроизвольно понизил голос – Империя проиграет войну? Нас захватит Султанат?

– Нет. Думаю, что нет. – Немного помолчав, ответил Орацио. – Всё же, редкая армия может сравниться со сплочёнными таролокийскими терциями. Думаю, это будет нелегко, но даже туранские янычары не смогут ничего противопоставить Легиону.

– Так почему же?... – Не как не мог взять я в толк.

– А что потом? – Внезапно, спросил в ответ мой собеседник.

– Что? – Растерялся я.

– Ну а что будет с Империей, после того, как Филипп Ауросий V станет единоличным властителем Внутреннего Моря и всех земель на его берегах? Когда Таролкия одержит верх над своим самым грозным противником?

– Ну... – я всё не мог взять в толк, к чему ведёт Орацио – впервые за полтора тысячелетия Империя станет владеть, ну, самым могучим государством из известных миру.

– Из известных, – лукаво повторил Юлий – но сейчас не об этом, я спрашивал, а что потом?

Я не нашёлся что ответить, точнее, не понял самого вопроса.

– Суть любой империи в постоянном расширении своего владычества. – Профессор встал со стула, казалось сделал он это больше по давней привычке, чем намеренно, заложил руки за спину и начал расхаживать из стороны в сторону, делая ударение почти на каждом слове. – Без постоянного притока новых земель, рудных и прочих залежей, в конце концов, новых подданных, любая империя, со временем, начнёт приходить в упадок, в этом её сила и в этом же её слабость.

– Сила и слабость... – Повторил я, пытаюсь осознать, что же пытался донести до меня Юлий.

Понятное дело, мне, уличному оборванцу и вору, никогда прежде не доводилось бывать на лекциях учёных мужей из Таролокийского Университета, знал я о них только из описаний Ломбарди и редких попадавшихся мне гравюр вековой и более давности, изображающих смешных людей в нелепых длинных одеждах. Однако, то, что происходило тогда, всем походило именно на то, как профессора обучают отпрысков купцов или вторых-третьих-четвёртых наследников знатных родов, коим, собственно, наследство и не грозит.

– Но позвольте, Орацио, разве у Таролкии и тогда не останется противников? – Наконец смог я понять, что было не так в словах моего сокамерника – Умбрия, Фризланд, дикие каледонцы, Урманское Царство? Да и потом есть целый Новый Свет, с его, кажется, бесконечными богатствами.

– Вот именно! – Казалось, профессор Юлий только обрадовался тому, что я нашёл слабое место в его рассуждениях. – Совершенно верное замечание. И это и есть иные причины, ослабляющие империю. Допустим, Таролокия разрастётся до размеров всей Медилонии, а может и больше, захватит Меридию и земли гатоманчей. Но что тогда? Это уже не будет единая, мощная держава, управляемая волей династии Ауроциев и мудростью Сената, скорее, это будет напоминать что-то раздутое, неповоротливое, уязвимое, как слишком разжиревший бычок, выкармливаемый для пира патрициев и неспособный отбиться от волков. Ну и золото из Нового Света уже, понемногу, убивает империю.

– Золото? Убивает? – Переспросил я. – Но как? Разве не золото первых торговых королей позволило двести лет назад возродить Легион и построить самый мощный флот Внутреннего Моря?

– Так значит Вы читали Фабукриптиса? Неплохо, для юноши. – Внезапно похвалил меня Юлий. – Однако, позвольте спросить, а что будет, если золота станет слишком много?

– Слишком много? – Снова переспросил я, почувствовав себя глупо, поскольку за всё время нашей беседы почти только и делал, что повторял за профессором.

– Возьмём, к примеру, Вас, Адэр. Если припомнить то, что Вы мне рассказывали о себе, в бытность Вашу портовым воришкой, любой серебряный торо был для Вас целым состоянием, тогда как став частью банды Васко, Вы, не дрогнув, сорили золотом в лучших борделях на улице Витта. А теперь представьте, что было бы, получи Вы почти неограниченные богатства? – Орацио вопросительно посмотрел прямо на меня. Я, хоть и доверял профессору, но годы жизни на улицах Ньюциттии не прошли даром, всё же я не стал рассказывать ему о сокровище в тайнике банды, ограничившись словами, что Лампини хочет заполучить то, что украла Вичиоза. Но всё же мне стало немного не по себе от взгляда Юлия, будто он видел меня насквозь. – *Nemo omnium regum mensura est.* Золото не имеет ценности само по себе, таковым свойством наделяет его человек. А теперь представьте, что его стало слишком много, не только у Вас или меня, а у целой империи. Представьте, что всё золото Таролокии обесценилось.

Признаться, мне было сложно понять всё, что говорил мне Орацио Юлий. Иногда, то что он описывал казалось мне просто невозможным, порой у меня уходили часы и дни только для того, чтобы уложить в голове и осознать, что именно говорит профессор.

Неожиданно, здесь, в тюрьме Кастелло-Новус, бывший уличный воришка стал учеником одного из самых выдающихся умов Таролокийской Империи. Не менее чем в истории и философии, Юлий разбирался в поэзии, прозе древних авторов, сказаниях и легендах многих народов, притом и тех, что никогда не являлись частью Империи. Было видно как Орацио истосковался по своему ремеслу и общению с живым человеком.

Впрочем, несмотря на обретение нежданного соседа в моём лице, профессор Юлий не прекращал поддерживать переписку со своими знакомыми по ту сторону мрачных стен замка.

Как и всем благородным узникам, представителю древнего рода было даровано это особое дозволение, но, конечно же, все письма подвергались строжайшей цензуре.

Где-то спустя месяц моего заточения, в очередной раз изнывая от безделья, я, ища чем занять свой ум, скорее в шутку, предложил свои услуги писаря Юлию. К моему удивлению, он воспринял эту идею с энтузиазмом, что привело меня в замешательство. Признаться, к тому моменту, хоть я и был обучен грамоте, но вот упражняться в письме мне доводилось не часто, однако, отступать было некуда.

Орацио, снова расхаживая из стороны в сторону и заложив руки за спину, надиктовывал мне письма, я надеялся, что, увидев нестройные ряды моих закорючек, он отбросит эту мысль, однако, взглянув на результат моих трудов, он только лишь усмехнулся: «Что ж, нам предстоит долгая работа». Так бывший столичный профессор стал моим учителем не только истории и философии, но и письма и, в какой-то мере, изящной словесности.

Я подозревал, что такой человек как Орацио Юлий имеет довольно широкий круг знакомств, но не думал, что он окажется настолько великим: учёные мужи из университетов и монахи из далёких монастырей, купцы и землевладельцы, аристократы и, даже, пара сенаторов. При всём при этом, я всё ещё не мог взять в толк, почему обладая такими связями, потомок патрициев, чей род известен ещё со времён Первой Республики, томится в стенах Каstellлю-Новус, пристанище воров, грабителей и святотатцев. В конце концов, я решился напрямую задать этот вопрос ему напрямую.

– Свобода... – Задумчиво произнёс Орацио, будто это слово было для него незнакомо. – Возможно, путём лести, подкупов и интриг я мог бы снова оказаться на свободе, вот только будет ли это действительно свобода?

Я только выжидающе посмотрел в ответ на Юлия, понимая, что он ещё не закончил, а только лишь взял паузу.

– Видите ли, Адэр, ещё тогда, когда меня собирались только собирались заточить, я мог бы избежать этого, достаточно было бы просто отказаться от своих слов и мыслей. Но была бы это действительно, то что называют, свобода? Для меня свобода говорить то, что я думаю, не менее важна, чем свобода идти куда пожелаю, только в том случае, если бы я принял условия имперских цензоров – это была бы тюрьма, в которую я добровольно себя заточил. – Орацио подошёл к решётчатому оконному проёму и задумчиво посмотрел на море. – Жизнь по обе стороны этих стен – это ожидание свободы, только в заточении это становится видно яснее.

– Но, позвольте, Вы сейчас говорите будто не только про себя, но и про всех. – После недолгого молчания, неуверенно заметил я.

– А разве это не так? – Юлий посмотрел прямо мне в глаза, против обыкновения, взгляд его был лишён привычной лукавой искорки.

– Ну тут уж Вы явно преувеличиваете, всё-таки если не считать рабов, которых в Империи с каждым годом всё меньше...

– Но разве речь только о рабах? – На моей памяти вежливый и сдержанный Орацио Юлий впервые перебил меня. – Несвобода — это не обязательно рабство. Люди всего лишь сменили одну форму зависимости на другую. Разве Ваш друг Васко был свободен, когда банк Пентенери забирал его земли? Разве был свободен отец Престо, когда голод вынудил того пойти на страшное преступление против собственного ребёнка? Разве... да, впрочем, у Вас, Адэр, найдётся ещё множество примеров из Ваших же рассказов о своём прошлом. Да и потом, раз уж Вы упомянули рабство, разве оно лишает свободы только лишь рабов?

– А разве нет? – Растерянно произнёс я, скорее, чтобы что-то сказать, поскольку самого вопроса всё ещё не понял.

– Свобода – это отсутствие зависимости, но разве рабовладелец, полагающийся на труд раба, не становится от него зависим?

– Но ведь любой хозяин вправе распоряжаться своим рабом как ему вздумается, – возразил я, решив, что мысли унесли философа слишком далеко – если раб вздумает проявить непослушание, его всегда можно заменить другим.

– Именно так, в одиночку, раб не представляет угрозы, но объединившись... – Орацио отпил воды из глиняной кружки. – Вспомните, сколько было восстаний в Первой Империи, волей-неволей, пусть даже и не признавая этого напрямую, но господам приходилось считаться со своими же рабами, поскольку все понимали, что может произойти в противном случае.

Зачастую, наши долгие разговоры уводили нас витиеватыми тропами куда-то далеко от темы, с которой начинались. Не стану лгать, но далеко не всё из того что рассказывал мне тогда профессор Юлий, я мог понять. Однако он научил меня главному, чему только может учитель ученика – это самому желанию узнавать новое. Да, многое из того, что пытался до меня донести Орацио я понял только лишь спустя многие года, что-то из книг, которые наконец смог прочитать, а что-то помогла понять и сама жизнь, но началось всё в той мрачной камере замка Кастелло-Новус.

Сложно было следить за течением времени в заточении, где почти ничего не происходило, но всё же лето явно подходило к концу, а значит, на тот момент, я провёл в заточении уже около трёх месяцев. Ни Лампини, ни Скораджо, до сих пор, не давали о себе знать, чему, с одной стороны, я был рад, но что-то тревожное, беспокойное, каждый раз шевелилось во мне в конце дня, напоминая, что отведённый мне срок неумолимо подходит к концу. И лишь только наши беседы с профессором Юлием давали мне отвлечься и не впасть в отчаянье.

– Значит, Вы полагаете, что крах Таролокии неизбежен? – Спросил я как-то у него, припоминая разговор, с которого всё начиналось.

– Разве? – Со всегдашней своей лукавой улыбкой вопросом ответил Орацио.

– Но Вы же сами...

– Ладно-ладно. – Примирительно поднял руки мой собеседник. – Нет, я не считаю, что исчезнет Таролокия, но другое дело империя.

– Вы говорите... – я непроизвольно понизил голос – о республике?

– Республика, империя – всё это просто слова. – Отмахнулся Юлий, будто речь шла о чём-то несущественном. – Важнее не то, как это назовут, а сама суть. Думаю, правители старины, например, Амальрик Завоеватель, только усмехнулись бы, если бы услышали, что императору приходится делить власть с Сенатом, тогда как в нынешней Третьей Империи уже и не мыслят иного. Да, Империя Таролкия падёт, но на смену её придёт нечто иное, может это и будет называться Республикой, но это определённо будет нечто новое... я надеюсь. – Добавил он после непродолжительного молчания.

– Всё же удивительно, что только лишь на Таролокию извечно выпадают такие испытания и потрясения. – Заметил я.

– Разве? – Удивлённо переспросил Орацио Юлий. – Ах, ну конечно! – Воскликнул он, будто тут же что-то понял. – Осмелюсь предположить, что Вам, Адэр, доводилось читать труды только имперских авторов?

– А разве они так плохи? – Немного уязвлённо спросил я в ответ.

– Нет-нет, отнюдь. Более того, я считаю именно таролокийских историков, пожалуй, лучшими. Однако, даже лучшие из учёных мужей не лишены человеческих недостатков, и речь об одном из самых распространённых из них. Как говорится, человек есть мера всех вещей, что верно, однако многие заходят ещё дальше, почитая неважным всё, что не касается лично них. Например, вспомните, сколько в имперских хрониках отведено места походам ганнов и будущего императора Амальрика. Тогда как не всякий из лодзийцев сможет описать эти эпохальные события хотя бы парой слов, зато красочно распишет, как его дед участвовал в, вероятно важной для всей Лодзии, битве пана Копыто против пана Выджека на реке Пшебенке, о

которой в Империи знают лишь единицы. Забавно, что это же порождает и обратное, зачастую, многие винят себе в том, на что и не могли повлиять, верно?

Я не стал отвечать, не знаю, догадался ли Юлий о том, что меня снедала вина или же его вопрос был просто риторическим приёмом. В конце концов, это было не так уж и важно. Мне определённо было за что винить себя, однако и иллюзию, что я могу повлиять на всё в мире, предстояло отбросить. Всё же, это не из-за меня родители стали пиратами, а Вичиоза разбойниками и ворами, а, зачастую, итог жизни таких людей предсказуем. Впрочем, понять мне это предстояло ещё не скоро. Но тогда, я спросил Юлия совсем о другом.

– Я читал Ваши труды и знаю, Вы полагаете, что историю творят не правители и полководцы, а простые крестьяне и ремесленники, но неужели, все те, кого мы называем великими – это что-то вроде тех кукол, с помощью которых уличные артисты устраивают представления на Нисхождение? – Наконец спросил я, то, что меня давно беспокоило.

– Видите, это не совсем так. Да, из моих трудов и могло сложиться такое впечатление, но, как бы это объяснить. – Юлий снова заложил руки за спину и подошёл к оконному проёму, задумчиво глядя на морскую гладь, явно подбирая слова. – Представьте себе, Адэр, корабль в бурю, да, капитану не дано управлять морем, он не способен укротить волны и усмирить ветер, но в силах капитана сделать так, чтобы буря не разнесла судно в щепки.

В тот момент я ещё не знал, что пока сижу в заточении, мой корабль уже дожидается меня в порту Ньюциттии.

Глава 4. Sanguis expiatio

Поступь судьбы для всех звучит по-разному: для кого-то это перестук копыт коня, для других – мелодичное постукивание деревянных подошв туфельки юной девы о каменную мостовую, в моём же случае, это был тяжёлый шаг стражника Кастелло-Новус.

Лето подходило к концу, извечная южная духота уже ослабляла по ночам свою изматывающую хватку. Где-то там, за этими мрачными стенами, для горожан и селян наступала лучшая пора года, скоро должен был быть собран урожай, а вслед за этим последуют карнавалы и праздники. Но, конечно же, увидеть этого мне уже не доведётся. Таким мрачным мыслям я предавался, в очередной раз смотря на бескрайнее море через решётку.

Когда за спиной послышался звук поворачиваемого в замке ключа, я подумал, что снова пришёл тот оборванец, за несколько медяков в неделю выносящий вёдра с нечистотами и делающий прочую грязную работу в замке. Однако, когда дверь открылась, в проёме показался стражник, громышающий тяжёлыми кандалами, которые держал в руке.

– На выход. – Грубо приказал он.

От этих слов моё сердце ушло в пятки. Неужели жадность взяла верх над осторожностью Лампини, и он решил приступить к моим пыткам раньше, чем задумывал? Но следующие слова охранника удивили меня куда сильнее.

– Вы тоже. – Уже куда вежливее обратился он к Орацио.

Мой сокамерник, так же как и я, ничего не понимая, повиновался приказу и дал надеть на себя кандалы. Нас вывели в коридор, где другие стражники так же выстраивали в ряд остальных узников, приковывая всех к одной цепи. Понятное дело, «постояльцы» Кастелло-Новус были крайне встревожены происходящим, чтобы усмирять особо буйных вдоль строя прохаживались стражники с алебардами.

– Ох, Маурицио! Здравствуйте, давно Вас не было видно. – Поприветствовал одного из алебардщиков профессор, будто это был его старый приятель.

– Доброго... здравствуйте, господин Юлий. – Смущённо отозвался Маурицио, будто ему самому было неловко от того, что приходится заковывать в цепи уважаемого человека.

– Такой переполох, не подскажете что происходит? – Спросил у стражника Орацио таким тоном, будто проявлял праздный интерес к событиям напрямую его и не касающимся.

– Да, признаться, я сам не знаю. Господин Лампини приказал построить всех узников во дворе.

Тут же шёпотки разнесли по всему строю закованных в кандалы, никто не знал, что происходит, но все, кто оказался здесь, не испытывали доверия ни к Лампини, ни к тому, что он мог бы затеять.

– Тишина! А ну заткнулись все! – Рывкнул, идущий по коридору, офицер с пышными усами. – Чего встали?! Ведите этих мерзавцев во двор! – Прикрикнул он уже на стражников.

Алебардщики повели нас по тёмным коридорам, Орацио Юлий шёл впереди меня, а по правую сторону вышагивал крупный Маурицио, присматривая за узниками.

– Кстати, нет ли вестей от моего друга Джулио Ломбарди? Что-то давно его не видно. – Как бы невзначай спросил Орацио, хотя было ясно, что это волнует его куда сильнее, чем он хочет показать.

– Хм... Господин лекарь... – Маурицио смущённо опустил голову, а затем осторожно оглянулся по сторонам и произнёс уже тише. – Не велено пускать господина лекаря в замок. Точнее, приказал это ещё господин де Солер, после того как сбежала тот воришка, однако господин Лампини так и не отменил приказ.

Слова стражника болезненно укололи меня. Конечно же, Мигель де Солер не мог не заподозрить Ломбарди в соучастии той кражи, что мы тогда провернули. Скорее всего, коман-

дующему ополчением было просто не до городского лекаря, учитывая все происходящие в тот момент события. И хоть Ломбарди и не схватила стража, но посещать Кастелло-Новус, место где он был так необходим, ему запретили.

Джулио был моей последней надеждой, я рассчитывал, что с его помощью удастся раздобыть отмычки или же подкупить стражников, благо спрятанных сокровищ Вичиозы хватило бы чтобы скупить весь гарнизон Ньюиттии с лихвой. Вот только лекарь всё не появлялся, теперь же стала ясна причина его долгого отсутствия.

А ещё, первое время, я всё надеялся, что мне поможет выбраться из заточения Роза, но то ли она не знала, что я вообще ещё жив, то ли не простила мне, что я не смог защитить Бьянку. Так или иначе, но теперь снаружи замка помощи мне ждать не приходилось, а времени до того, как Лампини отдаст приказ мастеру-дознавателю пытаться меня, оставалось всё меньше.

Предаваясь этим мрачным мыслям, я не заметил, как нас привели во двор, где уже в несколько рядов стояли остальные узники. Окружали нас стражники с алебардами и аркебузами, тут же реагирующие на любые попытки арестантов переговариваться между собой, когда грозными криками, а когда и древками оружия.

Беспощадное южное солнце безжалостно ползло в зенит. Удушающий летний южный зной, способен выдержать далеко не всякий крепкий, здоровый мужчина, а что уж говорить про измученного долгим заточением немолодого профессора? Однако, Орацио Юлий держался, на удивление, бодро, а с его лица не сходила извечная, чуть лукавая, но неизменно добродушная улыбка. В тот миг я ещё не понимал этого, но тот, кого я имел честь назвать своим нечаянным другом, таким образом пытался приободрить меня, да и вообще всех окружающих, даже в той волнительной ситуации его улыбка действовала успокаивающе.

Удивительное благодушное спокойствие моего сокамерника позволило и мне, несмотря на нарастающий летней зной, охладить пыл и разумно оценить происходящее. Для начала, вряд ли нас всех, вдруг, решили казнить. Всё же, узниками Кастелло-Новус являлись либо мелкие преступники, не нагрешившие на смертный приговор, либо люди знатные, имя и деньги которых защищают от закона получше всякой невинности. Однако, куда менее вероятно и обратное, вряд ли нас всех, по чей-то неведанной доброте, решили помиловать. И хотя замок-тюрьма после городских бунтов и был переполнен, во внезапное милосердие имперских чиновников я всё же не верил.

И тут меня осенило. Конечно же! У Империи всегда имелся ещё один верный способ сократить количество узников. Я наконец понял для чего нас всех построили во дворе замка, а также то, что я здесь оказался благодаря чьей-то ошибке.

Наконец, крепкие старые двери донжна распахнулись и во дворе показалась необычная процессия. Впереди, запыхавшись и явно не привыкший много ходить, семеня лоснящийся от пота, но явно довольный, Лампини. Рядом с ним, будто меря землю большими шагами, уверенно шёл сухощавый мужчина, ещё не старый, но уже явно пересёкший на жизненном пути отмутке первой половины. Против привычной мне, характерной для юга, пестроты красок в одежде, весь его наряд, от простых туфель с пряжками до колета, был неброских цветов. Но при этом, немолодой господин всё равно привлекал к себе внимание, даже не смотря на то, что был где-то на полголовы ниже своих спутников, и дело тут было не в пышных, ухоженных усах на худощавом лице. Глаза. Стальной взгляд этих серых глаз лучше всяких слов и алебард стражников заставлял окуржающих почтительно и с тревогой замолчать. Казалось, стоит этому, отнюдь не отличающемуся могучим телосложением, легионеру взглянуть на тебя, как всё твоё естество плавно опускается куда-то вниз, сначала по горлу и до самого желудка, где съёжившись замирает.

А в том, что перед нами именно легионер не было никаких сомнений, об этом явственно говорил всем короткий плащ-палундаментум, с фибулой на правом плече.

Лишь только гораздо позже, когда мне предоставилась возможность погрузиться в историю возрождённого таролокийского Легиона, я узнал, что когда более века назад правители Третьей Империи задумались о регулярной, а не наёмной, пехоте, то во всём, без исключения, пытались подражать древнему воинству: построение, вооружение, тактика, даже звания, одежда и доспехи. Впрочем, конечно же, ничего не вышло именно так, как задумывал это Филипп I, набранные из бывших кардолузийских наёмников, совсем недавно выбивших оскуров за море, войска, уже при сыне основателя династии, Филиппе II, стали тем, что сейчас нам известно как таролкийские терции.

Слово это пришло из кардолузийского, впрочем, как и многое другое. Легионом с тех пор стали называть всё войско Таролокии, деля его на терции по названию области, города или провинции, где та была набрана. Впрочем, ещё долго таролокийская история, кардолузийские наёмники и, отчасти, лигурийская тактика боя, перемешивались в то, что сейчас вся Медилонция знает как непобедимая имперская пехота.

Поначалу, мечтательный Филипп II и его окружение, грезившее величием древней Таролкии, хотели, чтобы всё общение среди легионеров происходило на мёртвом эквилейском языке. К счастью, затея эта воплотилась лишь частично, от неё остались лишь команды и, конечно же, множество ругательств, которые с тех пор уверенно вошли и в живую речь простого таролокийского люда. Но, пожалуй, самым странным итогом подобного смешения являются звания пехотных офицеров. До сих пор кардолузийские альференсы в бумагах могут значиться как сигниферы, в зависимости от провинции можно услышать как кардолузийское "капо", так и эквейское "декан", а командующего всей терцией, почему-то на лакийский манер, стали называть легат-генерал. И лишь только звучное слово "капитан" полностью заменило "центурион".

А единственное, что напоминало о легионах древности во внешности нового воинства – это накидки, застёгивавшиеся на фибулу, притом, не редко, позволить себе их могли лишь офицеры. Со временем, некоторые стали подчёркивать свою принадлежность с помощью цвета палундаментумов. Зачастую терции так и называли по цвету: Синяя Нюциттийская, Столичная или Золотая Таролокийская, Зелёная Дакийская.

Ну а тогда, во внутреннем дворе Кастелло-Новус, компанию Лампини составляли мрачные люди в чёрных плащах. Лигурийцы, знаменитая Чёрная Тёрция. Родиной их были скалистые земли на северо-западе Лакии, там, где Империя граничила с Умбрией, Каледонией и вечно беспокойными землями бывшей Священной Империей, постоянно раздираемые мелкими войнами между свободными городами и, возможно, сотней мелких герцогств, графств и королевств. Впрочем, земли Южной Бентании вообще редко знавали мир, нескончаемые битвы выточили из лигурийцев такой же упрямый, негибачаемый и суровый народ, как на те горы, среди которых они жили. И только лишь малочисленность горцев всегда являлась тем, что подводило их. Правители империй и сильных королевств, пусть и залив Южную Бентанию кровью, приводили лигурийцев к покорности.

Однако в тот момент во дворе замка думал я совсем о другом. Лампини и его спутники остановились на почтительном расстоянии от толпы узников, вперёд вышел один из альференсов, статный, повыше остальных, явно всего несколько лет назад разменявший третий десяток. Откинув полы плаща за спину и широко расставив ноги, он положил левую ладонь на эфес меча в ножнах и чуть запрокинул голову, подозреваю, каждый второй столичный живописец отдал бы левую руку, чтобы только написать с этого красавца лихого вояку. Впрочем, я уже догадывался в чём именно будет суть его речи.

– Висельники! – Громко, с гортанным акцентом обратился лигурийский офицер к нам. – Воры! Прелюбодеи, богохульники, клятвопреступники, бунтовщики, мужеложцы и сыновья шлюх! Всё это те, кем вы были и кто есть сейчас. Но, в милости и мудрости своей, Император и Сенат даруют вам возможность искупить грехи перед короной, народом и Митрой! Да, сам Митра дарует дорогу в Золотой Град тем, кто послужит ему в деле борьбы с язычниками,

в рядах славной терции Конрада Дюфура де Гельвеция. Каждому смельчаку, решившемуся послужить Империи, полагается жалование: один золотой торо для валетов и два для пикинёров. Каждый месяц.

Офицер замолчал, а в рядах узников начал нарастать гул, стражники теперь уже не пытались остановить перешёптывания. *Sanguis expiatio*, обычай дошедший до нас ещё со времён основания Таролокии, если верить тому, что говорят видные мужи Третьей Империи, хотя подтверждений этому так никто и не нашёл. Впрочем, разве это могло убедить правителей не прибегать к такому удобному и, в какой-то мере изящному, способу одновременно разгрузить тюрьмы и пополнить армию. Конечно, большинство этого сброда явно не годилось для того, чтобы стоять в строю рядом с бывалыми "псами войны", как устами древнего императора величал их поэт, многим предстояло стать калонами, то есть боевыми слугами или, как назвал их офицер на лакийский манер, валетами.

Лигуриец явно понимал, какие его слова лучше всего повлияют на эту публику, поэтому о деньгах сказал в последнюю очередь, будто выложил главный козырь на стол. Большинству здесь особо не было дело как до Империи, так и до своей бессмертной души, хотя при разговоре каждый бы клятвенно уверял в обратном. Даже то, что после городских бунтов тюрьма была переполнена и многим приходилось сидеть в тесной камере, в постоянном мраке и, чуть, не в собственных нечистотах, это нюциттийская беднота и воры могли стерпеть. Но вот обещание одного-двух золотых, да ещё и каждый месяц... для многих из стоявших там, во дворе замка, это было почти неслыханное богатство.

– Я-я, господин! Возьмите меня! – Почти прыгая на месте от нетерпения, как верный пёс, радующийся возвращению хозяина, прокричал сухощавый мужчина в старом рубище. На вид сложно было точно сказать сколько ему лет, но явно уже больше тридцати. К своему удивлению, я узнал его, это был Счастливчик Кола, как в шутку называли его окружающие, попрошайка, вечно побиравшийся у церкви святого Марка, известный доброй половине Нюциттии своей поразительной неудачливостью, даже головорезы Манчини из жалости не брали с того мзду, зная что долго деньги у него не гостят. – Господин, я готов, на всё готов! Возьмите меня! – Продолжал надрываться Кола, а я между тем думал, что с его везением он вряд ли дотянет до первого боя.

Как бы то ни было, но стражники отстегнули Колу от общей цепи и повели в кандалах к офицерам, Лампини и стоявшему рядом с ними писарю. Гул в рядах узников усилился, теперь уже многие разговаривали в полный голос, и стражники никого не останавливали, даже у такого как Лампини хватило ума понять, что если сейчас припугнуть заключённых, то многие тут же могут от испуга передумать записываться в Легион. Сам Лампини, несмотря на явно с трудом переносимую им жару, казалось, лоснился от счастья, и либо он стал ещё толще за лето, либо раздулся от удовольствия. Подозреваю, и без того немалая часть выделенных на содержание узников денег оседала в липких руках этого тучного господина, а тут ещё и представилась такая возможность, думаю каждый в этой толпе догадывался, что Лампини уже придумал как сделать так, чтобы казна продолжала ещё некоторое время платить за тех, кто сегодня согласится на *sanguis expiatio*. Более того, как мне предстояло узнать совсем скоро, Кастелло-Новус также полагалась плата и из казны терции, небольшая и строго установленная обычаем, но всё же и от неё явно бы не отказался алчный Лампини.

Жадность этого человека просто поражала, учитывая то, что ещё в его власти был и я, знающий про припрятанные сокровища Вичиозы. Ещё несколько узников вызвались служить в Легионе, казалось, с каждым добровольцем улыбка Лампини становилась всё шире. Впрочем, ему недолго осталось грезить о богатстве.

– Орацио, я постараюсь писать Вам. – Негромко сказал я своему соседу.

Профессор Юлий пристально посмотрел мне в глаза, в тот миг мне показалось, что молчал он целую вечность.

– Вы уверены? – Не отводя взгляда спросил он. – Этот путь таит в себе много опасностей.

– Я понимаю. Но здесь, если я останусь, тогда уж мне точно конец.

– Я не о том... – Орацио внезапно замолчал. – Впрочем, надеюсь, со временем Вы сами поймёте.

– Прощайте, Орацио.

– Прощайте, Адэр. – Кивнув, произнёс он. Удивительно, сколько всего в тот момент я смог прочитать в этом простом движении головы.

– Я! Я вступлю в Легион. – Прокричал я.

Равнодушные охранники тут же отстегнули меня и повели к офицерам, я бросил последний взгляд на Орацио Юлия, у которого успел научиться столь многому за столь короткое знакомство.

– А этот вроде ничего. – Вырвал меня из задумчивости низкий, удивительном образом одновременной грубый и приятный голос, это говорил тот самый сухощавый невысокий офицер, до этого шедший впереди всех.

– А... э... а... – Издал нечленораздельные звуки, очнувшийся от грёз Лампини, он явно был удивлён увидеть меня здесь. – Позвольте, капитан Намюр, но... – Мясистые губы хозяина тюрьмы задрожали, он явно не мог подобрать слов от потрясения. – Этому... этому... ему здесь не место!

– Не место? Объяснитесь, господин Лампини. – С нажимом произнёс тот, кого называли Намюром. – Насколько же страшное преступление совершил этот юноша, если, как Вы считаете, он даже не достоин искупить его кровью? – Хоть капитан и спросил это спокойным тоном, но что-то выдавало в нём неясную угрозу.

– Он... ну... он, э... – снова растерянно начал мямлить Лампини.

– Я вор, господин! Я крал рубашки, камзолы, колеты, дублеты, платки... – Я решил не лгать, но выдал лишь малую часть правды, хотя знал, что это заставит Лампини выглядеть ещё глупее.

– Хватит. – Резко оборвал меня Намюр. – С этого момента, для тебя я господин капитан, воришка. – Пристально глядя на меня и задумчиво подкручивая ус, произнёс Намюр. – Ладно, я понимаю к чему Вы, Лампини. Парень крепкий, из него что-то да выйдет, так и быть, за него в полтора раза больше, пятнадцать серебряных торо, считайте, что сегодня Вам повезло. – Усмехнулся капитан.

К сожалению, для Лампини, *sanguis expiatio* не мог быть отменён, если не считать преступников, осуждённых за измену и прочие преступления против короны, любой, вызвавшийся отмыть свои грехи кровью, переставал считаться узником, тут закон был на стороне Намюра. Конечно же Лампини мог бы заявить, что я причастен к краже сокровищ, которые Империя считала своими, но тогда бы ему пришлось объяснять почему он держал это в тайне, а это могло бы вызвать и другие вопросы, и уже не со стороны капитана Намюра, так что тучный хозяин тюрьмы сам бы мог оказаться прикованным к столу мастера-дознавателя.

– Я... э... благодарю, господин Намюр. – Жалобно произнёс Лампини, хватая воздух ртом, будто огромная рыба, выброшенная на берег.

Глава 5. Простак Марко

Всего в тот день набралось около трёх десятков добровольцев, готовых кровью искупить свои прегрешения перед Империей и Церковью, то есть десятая часть от общего числа узников Кастелло-Новус. Подозреваю, в любом другом случае Лампини был бы вне себя от счастья, уже считая в уме, сколько из сэкономленных денег он сможет прибрать лично себе. Но в тот момент на толстяке не было лица, он только лишь невпопад шевелил побледневшими губами, когда к нему обращался писарь или кто-то из офицеров.

Где-то через час, когда солнце стояло в зените, остальных узников, наконец, увели обратно в камеры, я попытался напоследок глазами отыскать Орацио, но не смог.

– *Silentium!* – Внезапно рявкнул главный офицер, хотя все и так молчали. – Я капитан пятой роты терции господина легат-генерала Конрада Дюфура де Гельвеция Анри Намюр, для вас, господин капитан. Если кто из вас, разбойников, вдруг забудет как обращаться, ему быстро об этом напомнят пятнадцать палок. Драка – тридцать палок, несоблюдение приказа – пятьдесят палок, воровство, нападение на офицера, попытка бегства – прогон через строй. – При этих словах, Намюр, почему-то, грозно посмотрел именно на меня. – Не думайте, что легко отделались от того, что бы вы там не совершили, с этого момента можете считать, что вы в аду!

Удивительным образом работает человеческий разум, казалось бы, в момент сильных переживаний и потрясений я должен был всем своим существом внимать тому, что говорит Намюр, чтобы избежать неприятностей в дальнейшем. Однако, как ни странно, но куда больше меня занимало то, что вместо привычного для большинства земель Таролокии "банда", капитан произнёс "рота", что явно происходило от герульского *Rotte*, языка в котором мои познания были крайне скудны. Также я не мог не отметить, что вместо "Бездна", тот сказал "Ад", так же слово более характерное для севера.

– Одежду и оружие вам оплатит казна терции, не думайте что можете считаться свободными пока не вернёте всё до последнего медного торо, в том числе и серебро, потраченное на ваш выкуп, так что первые три-четыре месяца жалования вы не увидите. – Произнося это, Намюр снова посмотрел мне в глаза, лишь спустя несколько мгновений я понял, что у мне придётся отдать чуть больше серебра, чем остальным. – Так что молитесь, что проживёте хотя бы столько, чтобы рассчитаться с господином Дюфуром.

Подозреваю, в тот момент около половины добровольцев уже пожалела о своём решении.

– Господин капитан! – Внезапно, по левую руку, совсем рядом со мной раздался звонкий голос. Я посмотрел на внезапного смельчака, им оказался утончённый красивый юноша, лет семнадцати, и хотя всеми чертами он походил на южанина, но кожа его явно была непривычна к солнцу. Это, а также его манера держаться явственно говорили о высоком происхождении, что и подтвердили его следующие слова. – Моё имя Марко Алессандро Антонио Фарнезе, господин Намюр, как дворянин Вы должны понимать, что я не могу показаться на улицах без своего меча и шляпы, к тому же прикованный к... – тут он бросил красноречивый взгляд на меня. – Клянусь именем Фарнезе, я не попытаюсь позорно сбежать, но позвольте мне идти как дворянину.

На лице Намюра заиграли желваки, на миг мне показалось, что сейчас разразится буря, однако, внезапно, он лишь только криво ухмыльнулся.

– Дворянину... – Больше походило будто он выплюнул это слово. – Господин Лампини, не отыщется ли у Вас того, о чём просит этот, господин. – Не без явного издевательства в голосе спросил у чиновника капитан Намюр.

– Ах, что? – Будто пробудился от сна Лампини. – Конечно. Выполняйте. – Отдал он команду стражникам, казалось, он совсем не понимая сути разговора. – Господин Намюр, не считите меня грубым хозяином, но я удалюсь, понимаете, это солнце... – Отчасти Лампини не

лгал, хотя, подозреваю, куда сильнее его подоксила потеря богатства, которое он уже считал своим. – Прошу простить меня. Спокойного плавания, не напомним на каком корабле вы отправляетесь в Меридию?

– Галеон Святая Аша. – Отмахнулся Намюр, явно не подозревая, что Лампини явно спросил это не просто так.

– Ещё раз прошу простить меня. – Откланялся тучный чиновник и поспешил удалиться, перед этим бросив на меня последний взгляд.

Алебардист, которому был отдан приказ, спешно направился в донжон и долго не показывался, Намюра, казалось, почему-то всё это только веселит. Насвистывая простенькую мелодию, он достал из-за пояса длинную трубку и стал набивать её табаком.

– Не беспокойтесь, господин Фарнезе, наш корабль отходит только завтра, так что мы можем и не торопиться. – Снова усмехнулся Анри Намюр.

Наконец мне стало ясно почему капитан не устроил разнос дерзкому дворянину, может быть он действительно никуда не торопился, но вот для молодых офицеров, стоящих рядом с ним, каждая минута в городе, проведённая вне стен заведений с вином, костями и девками, тянулась мучительнее, чем вечность для грешника в Пылающей Бездне. Альференсы и капо уже мрачно поглядывали на ничего не подозревающего Марко, явно представляя, как отыграются на нём позже. Похоже, юный аристократ был не из тех, кто умеет хорошо угадывать помыслы людей.

Впрочем, ниавный Марко не на шутку смог заинтересовать и меня. Не было человека в Нюциттии ничего не знавшего про семью Фарнезе, и глава дома был явно не из тех, кто позволил бы заточить своего отпрыска в Каstellло-Новус. Золота и влияния дома Фарнезе хватило бы чтобы скупить сотню таких как Лампини, а значит, по какой-то неведомой причине, отец Марко хотел, чтобы тот был заточён в замке, пусть и, судя по чистой одежде, условия у него были куда лучше чем у остальных узников. Впрочем, когда вернулся стражник с одеждой и мечом Марко Фарнезе, всё стало куда яснее, помимо длинной рапиры, украшенного кинжала и чёрной шляпы с пером, латник нёс на вытянутых руках и красный плащ, точно такой, какие с недавнего времени носили уличные артисты, выступавшие под маской Скарамучча. Похоже юный аристократ был из бунтовщиков.

– Прошу, господин Фарнезе. – Учитиво, а точнее даже подхалимски, протянул, уже освобождённому от кандалов Марко одежду и клинки стражник.

Не удостоив того в ответ даже взглядом, дворянин стал неспешно облачаться.

– Что это? Это не мой. – Как мне показалось с лёгкой брезгливостью, возмутился Марко, держа в руке хорошо знакомую мне вещь.

– Прошу прощения, господин. – Тут же стал извиняться перед отпрыском дома Фарнезе стражник.

– Это мой кинжал. – Произнёс я, указав на чёрную солдатскую дагу, чудом затерявшуюся среди вещей аристократа.

Конечно же никто из стражников Каstellло-Новус и не подумал бы прикасаться к имуществу члена знатного семейства, но вот на скarb такого вора как я, это не распространялось. И то, что моя старая дага не была продана какому-нибудь старьёвщику с виа дей Кипресси действительно было чудом.

– Значит, говоришь, твой, воришка? – Спросил Намюр, глянув на меня исподлобья, не знаю почему, но его явно забвляла вся эта ситуация.

– Да, господин капитан!

– Соображаешь... – Выдал непонятное заключение Анри Намюр, но судя по его взгляду, он явно сомневался, что кинжал действительно принадлежит мне. – Йост!

– Adsum! – Тут же отозвался один из офицеров, стоявших неподалёку.

– Отдашь парню позже. – Протянул ему дагу капитан.

– Oboedio! – Отчеканил Йост, высокий, крепкий, шикроплечий здоровяк с румяными щеками.

– Ладно, мы и так подзадержались. – Намюр снова бросил лукавый взгляд на ничего не подозревающего Марко. – Ad dextrum!

Услышав команду, большинство узников застыли на месте, явно ничего не поняв, я же поспешил повернуться направо, за что снова был удостоин взгляда капитана Намюра, теперь уже более заинтересованного.

– Команда ad dextrum озанчает, что вы, filii luparum, должны развернуться направо! – Снова прокричал Намюр, а остальные офицеры принялись пинками и тычками ножен мечей разворачивать будущих солдат Империи в нужную сторону. – Movete!

Не желая получить тычок древком промеж лопаток, я неспешно двинулся вперёд, дёрнув цепь кандалов, чтобы сигнализировать стоящему за мной о том, чего от нас добивался грозный капитан. В конце концов, прикованные к одной цепи, три десятка человек, нестройно поплелись вперёд к воротам замка. Спереди и сзади нас конвировали по десятку солдат с мечами и аркебузами. Офицеры более вольготно вышагивали по бокам от колонны, оживлённо переговариваясь. Как оказалось, общались лигурийцы на смеси лакийского и герульского, так что понимал я далеко не всё.

– Ну что, Йост, offensichtlich, тебе достался этот kleiner воришка? – Поддел здоровяка другой офицер. – Ничего, пять дюжин Stock быстро его исправят, если не подохнет. Эти Sudstaatler хлипкиие, wie ihre девки.

– Погляди, Урс. Этот хоть на вид посообразительнее остальных будет, куда чаще древком придётся охаживать того aufgedonnert Hahn. – Я не знал что это означает, но по тону разговора и кивку головы понял, что речь идёт о Марко, важно шагавшего справа от меня, похоже юный аристократ уже считал себя настоящим воякой, раз он теперь в лигурийской терции. А также, к своему удивлению, я понял, что Марко совершенно не знает лакийский.

А затем, отпрыск рода Фарнезе совершил самую большую глупость на которую только был способен, не будь мои руки скованы, я бы тут же схватился за голову. Марко снял с пояса богато расшитый кошель, конечно же с гербом дома Фарнезе, тяжело звякнув, раскрыл его и начал пересчитывать монеты, ярко блеснуло золото, что привлекло жадные взгляды всех окружающих, от недавних узников, до офицеров-лигурийцев.

К Марко приблизился один из альференсов, тот самый красавец, что обращался к узникам от имени капитана Намюра. Хорошенько размахнувшись левой ладонью, он с громким хлопком пропечаталал юного Фарнезе промеж лопаток.

– Ну что, господин, значит решили вступить в славные ряды Чёрной Терции господина Дюфура? Правильно-правильно. – Наигранно добродушно обратился лигуриец к Марко на таролокийском.

– Благодарю. – Искренне отозвался тот, похоже, отпрыск знатного рода явно не умел считывать настроение других людей. Более того, он даже не подумал спрятать свой кошель, набитый золотом, продолжая пересчитывать монеты. – Простите, господин...

– Лейтенант Герберт Вермюлен, для Вас господин лейтенант. – Снова с тем же притворным благодушием ответил офицер, а я подметил новое для себя слово, похоже в лигурийской терции все звания происходили из лакийского.

– Господин Вермюлен, признаться, я не думаю, что мне пристало быть простым пикенёром. Никогда не приходилось иметь дела ни с чем подобным, но не подскажите ли Вы, хватит ли тут торо, чтобы купить мушкет? – И с этими словами Марко продемонстрировал Герберту содержимое своего кошель.

Я с трудом сдержался от того, чтобы протяжно не замычать от досады. Сложно было поверить, что сейчас рядом со мной шёл молодой человек, выросший в Нюциттии, городе воров, моряков, разбойников и плутов. Даже самый последний негодяй из каморры не стал

бы пытаться облапошить такого простака. Это сродни тому, как если бы кузнецу-оружейнику предложили ковать гвозди для крестьян, будто это было нечто настолько простое, что ранит твою ремесленную гордость.

– Не стоит переживать, господин Фарези...

– Фарнезе. – Поправил лейтенанта Марко.

– Вот я и говорю, Фарзини, Вам повезло попасть не куда-нибудь, а в знаменитую Чёрную Терцию господина Дюфура, у нас сразу подмечают того, кто станет лихим воякой. – Лейтенант Вермюллен положил руку на плечо наивному Марко. – Возможно, из Вас, Фарайзе, выйдет достойный офицер.

– Вы так думаете, господин летини? – С почти детской наивностью в голосе спросил Марко. Я даже не удивился тому, что он не смог с первого раза выговорить лакийское "лейтенант".

– Конечно. Ведь все так думают? – Обратился Герберт к остальным офицерам.

– Как есть!

– Непременно!

– Виват, господин Фарони! – Нестроено отозвались те.

– Главное – помнить про своих товарищей или, как у нас говорят, *vivre a la gamelle*. – С этими словами лейтенант Вермюллен снял с пояса свой, явно куда более худой чем у Марко, кошель. – Верно? – Снова наигранно обратился он к офицерам.

– И то правда! – Отозвался Урс.

– Самое верное, что на войне, что на пирушке! – Поддержал его Йост.

– Ну, так что позволте угостить Вас, господин Фархорне, кубком-другим крепкого вина?

– Приобняв левой рукой за плечи, продолжал наседать на Марко лейтенант Вермюллер.

– Я, право, не знаю... – Растерялся тот.

– Ах, ну конечно! – Фальшиво всплеснул руками Герберт, будто только что вспомнил о чём-то. – Ведь Вы, господин Фархорн, дали слово дворянина, что отправитесь из тюрьмы прямо на корабль. Увы-увы, в таком случае не смею просить человека чести запятнать себя неблагородным поступком.

– Прошу простить меня. – Стал рассыпаться в извинениях Фарнезе, хотя, скорее всего, даже сам бы не смог объяснить за что. – Не будет ли дерзостью с мой стороны, чтобы загладить свою вину... – Марко полез в кошель, явно чтобы отсчитать несколько монет.

– Ну что Вы, как я могу? – Притворно запротестовал Вермюллер, но тут же ловким движением выхватил кошель из рук Марко, вместо со всем золотом. – Но если Вы так настаиваете, как я могу отказать? Сразу видно будущего лихого офицера, верно?

– Так и есть!

– А то!

– Виват, Фарнезе! – Выкрикнул один из офицеров, подбросив шляпу вверх.

Марко же только глупо улыбался в ответ, видимо довольный тем, что его имя, наконец, правильно произнесли. Золото, к которому не решились притронуться даже тюремщики Каstellло-Новус, теперь оказалось в руках лейтенанта Герберта Вермюллера.

– State! – Внезапно скомандовал он, солдаты, конвоировавшие нас, остановились как вкопанные, мы тоже.

Поначалу я удивился такому самоуправству лейтенанта, однако вскоре понял, что не видел капитана Намюра с тех пор, как мы покинули замок.

– Silentium! – Снова рявкнул Вермюллен. – Значит так, мы с вами потратили и так слишком много времени, поэтому предупреждаю сразу, тот, кто решит болтать не по делу, получит лично от меня дюжину палок. Кто-нибудь из вас, воров и прелюбодеев, должен знать где в вашем городе такие господа как мы, можем подобающе отдохнуть. И, ещё раз предупреждаю, не смейте тратить моё время!

Оглянувшись по сторонам я понял, что остальные узники явно слишком напуганы, чтобы рассказать офицеру то, что он хочет. К тому же, если бы кто-то решил дать неправильный совет, это могло бы обернуться проблемами для всех нас.

– Господин лейтенант! Я знаю такое место! – Поспешно выкрикнул я.

– Ты? – Не без тени удивления переспросил Вермюллен.

– Да, господин лейтенант!

– Ну что ж, послушаем. Только предупреждаю, ворюга, если из-за тебя мы впустую потратим время... – Многозначительно пригрозил Герберт.

К счастью, я знал куда следовало отправить офицеров, явно истоскававшихся по простым удовольствиям. Я не был уверен, что большинство борделей снова открылись после того, что учинил в городе Мигель де Солер. Зато я знал одни неприметные купальни. Насколько мог, я подробно объяснил офицерам дорогу отсюда и до неприметного переулочка на улице Витта, всё же, не хотелось так скоро наживать неприятностей.

– Смотри у меня, ворюга. – Напоследок снова пригрозил мне Вермюллен. – Сержант Урс! Сержант Йост!

– Adsum! – В один голос отчеканили оба, вытянувшись по стойке смирно.

– Отведите это отребье на галеон, проследите чтобы их заперли, выставьте караул. После этого все, кроме караульных, свободны до завтрашнего утра.

– Oboedio! – Снова в унисон прокричали сержанты.

– Как освободитесь, знаете где нас искать. Не мешкайте там. – Ухмыльнулся Герберт Вермюллер, поигрывая расшитым мешочком с золотом в руке. Затем, в сопровождении ещё двоих, пока неизвестных мне, офицеров направился к указанной улице.

– Вот же лис. – Негромко произнёс Урс на лакийском, когда лейтенант отошёл на приличное расстояние.

– Да, верно говорят, рядом um jede мельницей ist гора песка. – Согласился Йост. – Ну, чего встали?! Movete! – Прикрикнул он уже на нас.

Через некоторое время меня вместе остальными узниками привели в порт, затем на галеон Святая Аша. После долгого спора с боцманом, не желавшим размещать три десятка преступников в трюме, рядом с запасами провизии, Йосту удалось договориться, чтобы нас определили в дальний угол нижней полубы. Здесь было темно и пахло крысиным помётом, мне тут же вспомнился заброшенный храм неподлёку от порта, казалось это было так давно.

Глава 6. Святая Аша

Галеоны. Как пехотные терции на суше, так и эти величественные корабли на море, были опорой Империи. Быстрые, маневренные, устойчивые, способные перевозить куда больше, чем любые другие суда. Хотя, под один вид груза они совершенно не годятся, для людей. Если обычно команде и боевому гарнизону приходилось ютиться на тесных палубах, среди бочек, пушек и прочего, то стоит ли говорить что происходило, когда к этому добавлялась ещё и пара сотен солдат?

На корабле нас всех, наконец, освободили от оков, затолкав в самый дальний угол кормовой части нижней палубы, где помимо того что темно и тесно, так ещё и стояло постоянное зловоние, к которому теперь прибавился запах тридцати немытых тел. Двум охранявшим нас солдатам выдали офицерские протазаны, что в тесноте галеона были явно куда удобнее, чем длинные пики. Перед тем как уйти сержант Йост забрал у Марко рапиру и кинжал, после чего я вздохнул с облегчением, и, подозреваю, был не один такой, притом скорее я переживал не из-за того, что юный Фарнезе в припадке ярости устроит кровавую бойню, скорее единственный, кто пал бы жертвой его клинков – это он сам.

– Простите, похоже, это какая-то ошибка! – Робко возмутился дворянин, когда понял, что теперь ему придётся ютиться с нюциттийским отребьем.

– Молчать! – Рывкнул один из солдат, ударив Марко нижним концом древка прямо в грудь. – Сидите смирно, иначе поотрываю вам всем *mentulae* и запихаю в ваши же глотки! – Лигуриец явно был зол из-за того, что ему выпало стеречь "новобранцев", вместо того, чтобы предаваться порокам с остальными в городе.

– Тише ты, *stultus*. – Я схватил представителя благородного семейства сзади за ворот и потянул к себе. – Простите, господин, это не повторится. – Насколько мог вежливо извинился я перед солдатом, вряд ли передо мной был "господин", но немного лести не было лишним.

– То-то же, сидите и помалкивайте, *fellatores*. – Раздражённо отозвался легионер.

Не отпуская ворота, я так и потащил за собой Марко, за шкирку, как нашодившего котёнка.

– Это моё место. – Негромко, но с явной угрозой в голосе, сказал я сбившимся в углу узникам.

– А ты не слишком дерзкий, а? – Ответил из полумрака наглый, молодой голос.

– Хорошо подумай над тем, что собираешься сказать дальше, я был на Монте-Вертиче и, как видишь, пережил ту ночь.

Наглец явно с трудом сдерживался чтобы не бросить мне в ответ какую-нибудь грубость. Он не был уверен, что я не лгу, ведь тогда бы мои слова означли, что я знаюсь с верхушкой нынешней коморры. Всё же парень промолчал, явно решив лучше не рисковать, он и остальные узники боязливо расползлись из угла. Жизнь в преступном мире Нюциттии кое-чему научила меня – не так важно, говоришь ты правду или лжёшь, делай с уверенностью в голосе и люди поверят тебе.

Я перехватил Марко за грудки и прижал его к стене.

– Раздевайся. – Приказал я.

– Что!? – Начал было возмущаться пораженный дворянин.

– Тихо. И я сказал раздевайся, если не хочешь проблем. Штаны можешь оставить.

Даже в густом корабельном полумраке мне было видно как дрожат руки Марко, когда он медленно стягивал с себя одежду. Вскоре у меня в руках оказались: красный плащ искусной работы, богато расшитый золотом тёмно-зелёный дублет, шёлковая белая рубашка с кружевным воротом, чёрная шляпа с пером и сапоги из тонкой кожи. По сути, один только наряд

Марко стоил небольшое состояние, я завернул всё это в плащ и положил самый угол, а сам сел сверху, затем, стянул уже с себя рубашку и протянул жмущемуся от страха Фарнезе.

– На, надень, это не шёлк, но тоже ничего. И присядь рядом. – Продолжал я отдавать приказания Марко.

– За что Вы так? – Дрожащим голосом, спросил он.

Я снова пижал его к стене, теперь одной левой ладонью.

– Эй, даже не вздумай реветь, только попробуй так сделать – и ты труп. – Прошептал я на ухо так, чтобы слышал только он.

Затем я, используя свёрток одеждой Марко как подушку, лёг на спину прямо здесь же, на палубе. Остальные не решались к нам приближаться, даже не смотря на тесноту. Жизнь в преступном мире Нюциттии научила их одному правилу: "Если кто-то ведёт себя нагло – значит, скорее всего, у него есть на это право. Если у него есть на это право – значит у него достаточно сил, чтобы получить это право. А если у него есть сила – значит с ним лучше дружить, или избегать его".

– Эй, Марко. – Позвал я своего нового товарища, хотя в тот момент сам он так явно не считал. – Ты как вообще здесь оказался?

– Вы же сами видели, господин капитан Намюр...

– Да не про то я, и давай уже на ты, кстати, я – Адэр. Ты же из Фарнезе, твоё семейство могло купить не только свободу, но вообще весь Каstellло-Новус с прилегающими кварталами, так почему ж ты оказался среди узников замка? – Наконец спросил я то, что меня уже занимало некоторое время.

– Это всё мой отец, – неуверенно начал Марко – он... он... считает, что мне надо образумиться.

– Образумиться? В тюрьме? Интересно.

– Я хотел пойти в пехоту, стать настоящим легионером. Но мой отец, он счиатал всё это блажью и говорил, что мне следует заниматься делами, подобающими благородному имени Фарнезе, то есть жениться на Марианне Сансиверо, чтобы приумножить богатства наших семей.

– Она что, такая срашная, эта Марианна, что ты от неё хотел на войну сбежать? – Насмешливо спросил я.

– Ну... в следующем году ей исполнится шесть. – Сокрущённо проговорил Марко. – Но не в том дело, даже если бы она была достаточно взрослой, с округлыми, манящими... а, ну... я не о том...

– Конечно, не о том, не об "округлых и манящих". – Поддел я его.

– Да не в том дело! Для дворянина есть лишь одно по-настоящему достойное занятие. – Пылко ответил Марко.

– Ну да, поэтому ты нацепил красную тряпку и пошёл махать рапирой на улицах Нюциттии?

– "Красную тряпку"?! – Возмутился Марко, уже позабыв, что совсем недавно дрожал передо мной в страхе. – Да как ты смеешь, ворюга?! Я сражался ради народа Нюциттии!

– Эй! Тише там, а не то!.. – Пригрозил один солдат, привлечённый выкриками.

– ... народа Нюциттии. – Зачем-то повторил шёпотом Марко.

– Как же, "ради народа Нюциттии", я видел как ты брезгуешь этим самым народом, и не смей отрицать это, господин Фарнезе. Да, я, как ты выразился, – "ворюга", притом хороший ворюга, как и, пожалуй, четверть Нюциттии. Оглянись, вот они, тот самый народ, но тебе было противно даже идти в одной колонне с ними. Мне посчастливилось знать людей, способных разбудить лучшее даже в самом пропащем мерзавце, несмотря на его происхождение и положение. Я видел тех, кто действительно вставал на пути пули, защищая горожан. А от того, что

ты накинул на себя этот плащ, не стал одним из них. Поэтому на твоих плечах – он просто "красная тряпка".

– Ты не понимаешь о чём гоовришь... – Сквозь зубы процедил Марко.

– Возможно. – Легко согласился я. – Возможно ты и прав. Ладно, я вздремну, разбуди меня, если что случится.

Я разозлил его, а значит он не вздумает расплакаться, в тот момент и в том месте такая слабость могла бы стоить ему жизни.

– Адэр. – Внезапно, тихо окликнул меня Марко.

– Да?

– Как считаешь, нас сегодня хоть покормят?

– Постарайся думать о чём-то другом. – Уклончиво ответил я, подозревая, что об этом офицеры могли просто забыть. – Разбудишь, как начнёт темнеть.

– Зачем?

– Гостей жду.

– Не смешно.

– А я и не смеюсь. – Ответил я, погружаясь в беспокойную дремоту.

Как ни странно, но вскоре я действительно уснул, даже несмотря на творящееся вокруг.

– Адэр, эй Адэр. – Проснулся я от голоса Марко.

– А? Что? Что-то случилось?

– Нет. Вы... то есть ты просил разбудить как стемнеет.

– Ага, спасибо. – Признаться, я был немного удивлён исполнительностью Марко.

На первый взгляд мало что поменялось, всё же и так было темно, освещала палубу лишь одинокая малеская лампа, рядом с караульными, да и то, подозреваю, её разрешили только лишь на этот исключительный случай. Однако, приглядевшись, я понял, что через решётку около грот-мачты теперь не проступает свет. За время моего сна караульные успели смениться, по ту сторону от них отдыхало несколько матросов, скорее всего, большая часть отсутствующих была в городских кабаках и портовых борделях.

– А сейчас сиди тихо, постарайся не привлекать внимания. – Сказал я Марко.

– Но почему, что ты задумал?

– Я? Ничего. – Честно ответил я, но вот поручиться за кое-кого другого не мог.

Около часа я просто сидел, вглядываясь в темноту. Наконец, послышался скрип лестницы, сюда кто-то спускался, притом явно не один. Солдатам на страже не было дела до того, что происходит у матросов, а я продолжал присматриваться. Четверо, один крупный, широкоплечий, судя по всему у них за главного. По тому как они уверенно двигались в темноте, было ясно, что это матросы именно Святой Аши. Вскоре четвёрка разделилась, как я заметил, новоприбывшие будят спящих матросов и отправляют тех на верхнюю палубу, одних обманом, других угрозами, это было явно не к добру. Между тем, караульные всё ещё не видели в этом ничего подозрительного.

– Как служба, уважаемый? – С притворной учтивостью спросил матрос-здоровяк, когда все лишние глаза были изгнаны с палубы.

– Чего тебе? – Грубо отозвался солдат.

– Эй, да чего вы такие? – С типичной южной чувственностью воскликнул здоровяк. – Или думаете, что мы переодетые туранцы? – Спросил он, после чего рассмеялся над собственной шуткой.

– Мы на посту. – Всё с той же северной выдержкой ответил лигуриец. – Чего надо?

– Да ничего! – Снова сопроводил жестом свои слова главарь, разведя руки в стороны. – Мы тут с парнями только из кабака, гадали, чего это двух мужиков поставили всякое отребье стеречь? Думали, дай угостим крепким нюциттийским. А вы вон как, ну что ж тут поделаешь...

Даже мне из своего угла было заметно, как сглотнул один из солдат, услышав про вино.

– Слушай, Уго, в самом деле, что может случиться? Что они, этих оборванцев решат украсть? – Попытался уговорить своего строго товарища.

– Вот, уважаемый. – Здоровяк снял с пояса полненький бурдюк и протянул его Уго.

– Благодарю. – Смущённо принял угощение вояка из рук подозрительного щедрого матроса.

Уго сделал несколько крупных, жадных глотков.

– Gut! – Расплывшись в блаженной улыбке, выкрикнул он, наконец оторвавшись от бурдюка.

– Только предупреждаю, уважаемый, это нюциттийское, они крепко в голову бьёт. – С этими словами детина-матрос вытащил из-за пазухи короткую дубинку обмотанную тряпкой и с размаха ударил Уго по затылку и тот обмякнув рухнул на пол. Увы, шлемы оба солдата в тесноте корабля решили снять.

В тот же момент, ещё один матрос вонзил широкий нож в горло другого лигурийца.

– Damno! Я же предупреждал тебя Дэли, никаких ножей! – Отчитал своего главаря.

– In culus, Бруни! Так вернее.

– Эй, fellatores, сидеть на месте! – Прикрикнул главарь на узников здоровяк, заметив движение. – Кто дернётся, выпущу кишки, ясно?! Дэлио, возьми фонарь.

Подельник Бруно, как тот ему и приказал, снял со стены маслянную лампу и пошёл в нашу сторону, явно высматривая кого-то среди узников. Остальные двое стояли на страже.

– И как я его найду?

– Damno, Дэли, ты чем слушал?! Чёрные волосы, зелёные глаза, светлая кожа. – Не было сомнений, что главарь описывает именно меня.

Я уже приготовился напасть на Дэлио, когда тот подойдёт чуть ближе, однако, внезапно, снова послышался скрип лестницы. Из темноты показались ещё пятеро.

– Что, in culus, здесь происходит?! Бруно, это никак ты? – Раздался неприятный, резкий голос. – Отойдите от узников. – Казалось, новоприбывшего не особо занимали два мёртвых солдата на полу.

– Не твой дело, Ландо. – Бруно явно напрягся.

– Ошибаешься, парень наш. – С нажимом ответил, судя по всему, главарь уже новоприбывших, которого, как стало понятно, звали Орландо.

– Damno, похоже, этот stultus porco и вам пообещал пообещал заплатить... – Я догадывался кого именно имел в виду Бруно. – Поздно, мы первые, так что fella!

– Я закрою глаза на твои слова и позволю вам сохранить свои colei, ести отдадите парня Фарнезе. – С нескрываетмой угрозой ответил Орландо.

Поначалу мне показалось странным, зачем Лампини подкупил сразу двух матросов с подельниками, что явно вызвало бы конфликт между шайками. Однако теперь, всё стало на свои места, Орландо с его людьми был нужен не я, его нанял отец Марко. Надо было действовать, пока эти двое ничего не поняли. Я вскочил с места и бросился на Делио, стоявшего ближе всего ко мне, и толкнул его прямо на матросов, подельник Бруно полетел вперёд, при этом выронив лампу из рук, та упала на пол и, к счастью, потухла.

– У него нож! – Выкрикнул я, стараясь звучать как можно ниже и грубее.

К счастью, матросы отреагировали именно так как я ожидал, когда на них в темноте налетело тело, а затем ещё и раздался крик, все тут же похватались за свои ножи и дубинки, судя по звукам, началась настоящая резня. Я бросился вперёд, надеясь, что правильно запомнил где солдат выронил протазан. Мне повезло, нащупав во тьме древко, я схватил оружие и начал наугад тыкать в дерущихся. Бывшие узники, конечно же, не стали сидеть тихо, кто-то тоже полез в драку, другие пытались бежать, я не был уверен, что наконецник протазана, которым я орудовал во тьме, разит именно матросов, но не останавливался.

Внезапно прогремел выстрел, в тесноте нижней палубы от него закладывало уши.

– Стоять! Что, damno, тут происходит?! – Без сомнения это был капитан Намюр.

Я спешно выронил протазан и постралася пнуть его как можно дальше от себя. Послышался звук множества ног, спешно спускающихся по лестнице, палуба мгновенно заполнилась людьми, у многих были фонари, так что, наконец, стало относительно светло.

– Господин Намюр, прекратите! Здесь не лучшее место для пальбы! – Возмутился запыхавшийся, крепкий, высокий мужчина с залысинами и небольшим животом.

– Не беспокойтесь, господин Гарсия, в пистолете был только порох, без пули. – Ответил Анри Намюр, судя по всему, капитану корабля. – А вот эти аркебузы заряжены свинцом! – Крикнул он уже нам.

Как по команде, вперёд вышли несколько солдат и прицелились в нас.

– Святая Альба, что здесь произошло?! – Возмутился капитан Гарсия.

В свете масляных фонарей все, в том числе и я, смогли наконец рассмотреть последствия потасовки. На полу, в луже крови лежали девятеро матросов, пятеро узников и двое солдат, большинство были метры, некоторые находились на последнем издыхании. Внезапно, тот самый Хьюго, получивший дубинкой по голове, открыл глаза.

– Уго живой! – Выкрикнул кто-то из спустившихся на палубу солдат.

Тут же несколько рук помогли караульному сесть, правда сам Хьюго явно ничего не понимал.

– Капрал Хьюго, что здесь произошло, отвечайте немедленно! – Приказал Намюр, вот только это ничего не дало, караульный невидящими глазами озирался по сторонам.

– Господин капитан Намюр, капрал Хьюго получил удар по голове, пытаюсь разнять дерущихся матросов, поэтому сейчас не может отвечать! – Прокричал я. – Но я всё видел.

– Ты, ворюга? Говори, быстро. – Намюр явно не верил мне, но деваться ему было некуда.

– Матросы вернулись пьяными из кабака, прихватив с собой ещё вина, между матросами Бруно и Орландо возник спор из-за какого-то долга, потом все похватались за ножи, капрал Хьюго и другой солдат пытались остановить драку, но всё закончилось так, как вы видите. – Я сочинял на ходу, поэтому часто запинаясь, любой пройдоха с улиц Ньюиттии тут же раскусил бы мою ложь, но к счастью капитан Анри Намюр был не из них.

– Хьюго, это правда? – Стал он допытываться у ещё не пришедшего в себя караульного.

– А... что? – Только лишь пробормотал тот в ответ. – Господин капитан Намюр?! – Его лицо, наконец, приобрело чуть более осмысленное выражение.

– Капрал Хьюго, то что говорит этот разбойник, это правда? – Продолжал наседать командир.

– Ах... что? Простите, гопослин капитан, я не... – Хьюго действительно изо всех сил пытался собраться с мыслями, Намюр пересказал ему мои слова.

– А ещё раз спрашиваю, это правда?

– Да, господин капитан... – Наконец, с трудом выдал Хьюго.

– Damno, Бруно и Орландо, давно надо было их... – Прогрел сквозь зубы капитан Гарсия, видимо даже среди моряков эти двое снискали не лучшую славу.

Я, наконец, смог с облегчением выдохнуть, вряд ли узники сдали бы меня, тогда некоторым пришлось бы признаться, что они пытались бежать, а Хьюго не станет распространяться о том, что прикладывался к бурдюку с вином ов ремя караула. Мне удалось избежать проблем, хотя бы на сегодня.

– Сменить и усилить караул, Хьюго отнести в офицерскую каюту, и пусть доктор Мутье его осмотрит, – приказал Намюр, а затем добавил – если он здесь и способен стоять на ногах.

Я поспешил вернуться в свой угол, пока у капитана терции или капитана корабля не возникло новых вопросов.

– Может тебе, всё же, стоило жениться на этой твоей Марианне? – Поддел я Марко, тот ничего не ответил.

Несмотря на ночное происшествие, галеон Святая Аша вышел из порта Ньюиттии с рассветом, через некоторое время нам, наконец, разрешили подняться на верхнюю палубу, чтобы воспользоваться отверстиями на галюне. Ньюиттия ещё не успела скрыться за горизонтом, поэтому я мог снова попрощаться с пёстрым южным городом, тогда я ещё не подозревал, что вернуться сюда мне удастся только многие годы спустя.

На второй день плавания нам даже разрешили свободно перемещаться между нижней и верхней палубами, с условием, что мы не должны ступать на сердную или приближаться к юту. Подозреваю, сделано это было не по чьей-то особой доброте, а потому что матросам, гарнизону галеона и лигурийским солдатам стало уже невыносимо терпеть смрад от трёх десятков тел, забитых в самую непроветриваемую часть палубы. Конечно же, я не стал задерживаться внизу, прихватив с собой Марко и свёрток с его одеждой. Отпрыск Фарнезе даже не подумал противиться, он и сам был только рад оказаться на свежем воздухе, особенно учитывая то, что морскую качку он переносил куда хуже меня.

– Никуда не уходи. – Бросил я ему.

– Я и не... – ответить он не смог, поскольку вынужден был перевеситься за борт.

Палуба была забита людьми, притом не только матросами, но и многие лигурийцы предпочли расположиться здесь же. Кто-то оживлённо что-то обсуждал, другие играли в кости, немало лигурийцев просто любовалось морем, многие просто спали здесь же.

Редкий столичный франт одевается так, как это делал простой пехотинец. Да, у многих за душой не было ничего, многие жили впроголодь, особенно если жалование задерживали, что скорее было обыденностью, чем исключением. Но зато в роскоши одеяний им было не отказать: штаны и дублеты с разрезами, кружева, дорогие ткани, не всякий бал в Столице может похвастаться такой роскошью в нарядах. Издалека, при взгляде на лигурийцев могло показаться, что те были скромнее в одежде, чем пехотинцами других провинции, поскольку, согласуясь с именем терции, предпочитали чёрный цвет в одежде, за что некоторые в шутку называли их "церковниками". Вот только это был тот чёрный, что не имеет ничего общего с блеклыми мантиями простых священников, а насыщенный, глубокий, благородный цвет воронова крыла, что долгое время позволить себе могли только герцоги и короли. Конечно же, ещё чернее одеяния лигурийцев выглядели от контраста с белым, притом не тем бледно-песчаным цветом, что можно увидеть и у обычного горожанина, а белоснежно белый, достойный монархов и первосвященников. В добавок к этому лигурийцы часто щеголяли украшениями из золота.

Так что нет ничего удивительного в том, что от одежды Марко я избавился очень быстро. Первые же солдаты, игравшие на бочке в кости, тут же чуть было не передрались за шёлковую рубашку с кружевным воротом, которую, в конце концов, я выменял у крупного вояки с пышными усами на его сорочку, старую, но ещё крепкую аркебузу с фитильным замком и бандальеру, конечно же, порох и пули он отдавать мне не стал. Шляпу и расшитый дублет мне удалось продать, удачно подвернувшемуся, капитану Гарсие, пусть и пуговицы упорно не желали сходиться на его животе. Конечно же, по сравнению с тем, что можно было выручить в Ньюиттии за вещи Марко это были сущие крохи, но как научил меня Орацио Юлий, ценность вещи определяется тем, насколько она важна для тебя сейчас.

Когда я вернулся к Марко, загруженный тем что удалось выменять так, что подкашивались колени, то внезапно обнаружил, что у того появилась компания, если это так можно было назвать. Рядом с благородным сыном Ньюиттии, вцепившемся в дерево и временами извергающим за борт то, что некогда было скудным завтраком, точно в такой же позе стоял малчишка лет двенадцати.

– А, Адэр... – Измождённо то ли попровитствовал, то ли просто позвал меня Марко.

– Я смотрю у тебя появился приятель. – Заметил я, намекая на его соседа.

– Не знаю кто это, мы не разговаривали, было... – Очердной позыв заставил Марко снова перевеситься через перила борта.

В свою очередь, мальчишка, наконец, смог повернуться ко мне лицом. Первое, что бросалось в глаза – это соломенная копна волос и простоватое выражение лица, одет он бы в самую простую холщёвую рубашку и штаны, босой. В общем, выглядел как обычный сын крестьянина откуда-то из северных провинций.

– Для юнги у тебя слабый желудок. – С усмешкой заметил я.

– Что? – Внезапно спросил он на лакийском.

– Подожди, ты не знаешь таролокийского, языка Империи? – Опешил я.

– О, господин, так ты, стал быть, на нашем знаешь? – Просиял наш новый знакомый.

Мне ещё не доводилось бывать в лакийской деревне, но в тот момент готов был поспорить, что именно так в них и разговаривали.

– Как же ты служишь юнгой не понимая языка? – Недоумевал я.

– Кем? – Снова ничего не понял блондин.

– Так, ладно, давайте присядем. – Сказал я, сваливая добро на палубу.

– Адэр, что это? – Полушёпотом спросил Марко, на большее сил у него не было, после чего осел на палубу возле борта.

– Наш новая одежда и твоя аркебуза?

– Моя? – Поражённо переспросил Марко.

– Разве не ты хотел в аркебузиры?

– Хотел, но... – Тут он потупил взгляд.

– Как понимаю, ты думал, что я отнял у тебя вещи для себя, ведь так?

Марко ничего не ответил.

– Вот твоя новая одежда, конечно, не то чтобы она новая, но дублет почти без дырок, а башмаки хоть и большие на твою ногу, но ещё крепкие.

– Но почему, Адэр?

Я присел рядом с ним у борта.

– Потому что ты бы не пережил и первую ночь, тебя могли придушили ради пары сапог и рубашки, там внизу. Я знаю многих их тех людей, далеко не всех лично, но лица помню, среди них немало тех, что раньше были в каморре. Против лигурийцев у них бы не хватило духу, а вот ты – лёгкая добыча.

– Так значит... спасибо. – Растерянно произнёс Марко.

– Можешь не благодарить, потому что свою долю я с тебя уже взял. – Ответил я, продемонстрировав свои башмаки и набитый холщёвый кошель. – Вот, возьми, здесь медь и серебро, но постарайся не показывать его личинный раз. – Сказал я, протягивая ему такой же. – А ещё нам надо будет забрать отрез парусины, что мне удалось выменять у боцмана на время плавания.

– Парусины?

– Конечно. По ночам на верхней палубе может быть довольно холодно, будет во что завернуться.

– Ты предлагаешь спать здесь?

– Лучше здесь, чем внизу, в зловонии, с бывшими каморрийцами и вшами.

– Наверное ты прав. – Согласился Марко, затем, немного поразмыслив, спросил. – Ты вообще знаешь куда и сколько мы будем плыть?

– Эй, парень, ты знаешь куда мы направляемся? – Спросил я у нашего нового знакомого на лакийском.

– Эээ... мы что?

– Куда плывёт корабль, ко-ра-бль. – Общаться с ним было сложно, я начинал злиться.

– А, лодка эта. Господин лейтенант говорил, что вроде в эту, как её, Вестику.

– Может в Цивестику. – Поправил я.

– Может и в неё. – Согласился мальчик.

– Подожди. "Господин лейтинант"? Так ты тоже из лигурийской терции?! – Поразился я.

– Ты про солдат? Ну так да, стал быть, с ними я. Ты тоже? – Как ни в чём не бывало подтвердил он. – Они через нашу деревню шли, говорили, что золотом заплатят. Мой папаня уже скоро Митре душу отдаст, а нас таких в семье много, мне ничего от хозяйства не перепадёт, дак дай, даумаю, в солдаты пойду. Правда, в солдаты меня взяли, сказали, я гожусь только в барабан бить.

Наконец, всё стало на свои места. Зачастую в барабанщики вербовали таких вот детей, обычно, те кто выживал, когда чуть подрастали становились обычными пехотинцами.

– Прости забыл представиться, я Адэр, вот тот тощий – Марко.

– А, это, я Жак. – Расплылся в улыбке мальчишка.

Глава 7. Великая пустыня

Как я и предполагал, Святая Аша прибыла в порт Цивестики через неделю после отплытия из Ньюциттии. Жак так и не покидал нас с Марко. Это была странная компания, где мне постоянно приходилось пересказывать то, что говорит другой, поскольку Жак, что было необычно для жителя Империи, не знал таролокийского, а Марко, что, в свою очередь, было редкостью среди дворянина, не понимал лакийский. С другой стороны, речь деревенского паренька была столь обильно сдобрена просторечивыми выражениями, местными словечками и прочим, что и я, порой, с трудом мог понять суть сказанного.

Жак был для меня не менее интересен чем, Марко, против воли отца, променявший жизнь богатого аристократа на тяготы службы в пехоте. Да, мне доводилось прежде встречать деревенских, однако всё это были жители столичной провинции, обитавшие не более чем в дне пути от Ньюциттии, ну или же немногословные горцы с Корну. Жак же болтал без умолку и всё для него было в новинку, правда, даже так я не смог выяснить откуда именно он происходит родом, ведь даже я, ни разу не бывавший в Лакии, знал о его провинции больше него самого. До того, как записаться в лигурийскую терцию, Жак даже не до конца верил в существование больших городов, конечно, он знал, что в паре дней пути от его деревни есть ещё одна, но на этом все его познания в географии и ограничивались. Ну а когда я сказал ему, что там, куда мы направляемся, всюду песок, подобно этому морю, и живут люди с чёрной кожей, Жак откровенно не поверил мне.

Короли, императоры, султаны, беи и вожди могли сколь угодно делать вид, что нарисованные на картах границы что-нибудь значат в северной Меридии, но на деле всё обстояло иначе. В великой, бескрайней пустыне Терраситика, люди ютились лишь на крошечных островах жизни вокруг оазисов и нескольких рек. Формально, Ареноция всегда являлось самой большой провинцией Империи, на деле представляя собой лишь пару городов с редкими деревнями и несколько крепостей. К западу от Ареноции находились, пусть и менее обширные, но зато куда более плодородные и богатые земли Икосии, в ту пору принадлежавшие Турану, к востоку, пёстрым лоскутным одеялом, вдоль берега моря стояли независимые города-государства, пиратские вольницы, а также земли мелких владык, постоянно переходящих то Султанату, то Империи. Ну а далеко на юг, там где заканчивались смертоносные пески, раскинулись многочисленные чёрные королевства и умбрийские колонии.

По прибытии в столицу провинции Цивестику, после относительной свободы на галеоне, мы снова превратились в узников, пусть и без кандалов. Нас провели через весь в город в древнюю крепость на возвышенности, где нам предстояло томиться ещё около двух недель. Спали мы прямо во внутреннем дворе под навесами. Жизнь и Марко, и Жака не наполнилась какими-то интересными событиями, даже удивительно, насколько в этом были похожи сын бедного крестьянина и потомок одного из знатнейших родов Ньюциттии, а о своём прошлом я предпочёл не рассказывать лишнего. Так что после того как я, насколько хорошо её помнил, пересказал им историю покорения эквами Ареноции, темы для разговоров у нас иссякли. Поэтому любое событие, нарушавшее мучительную обыденность существования, воспринималось с неподдельным ажиотажем.

Постепенно, с разницей в несколько дней, стали прибывать и другие роты лигурийцев. Как оказалось, в терции господина Дюфура было всего пять рот, каждая численностью около двух сотен человек, что, по меркам других терции, порой насчитывавших по три тысячи воинов, крайне мало. Впрочем, лигурийцы никогда не были многочисленным народом.

К концу первой недели собрались все остальные лигурийцы, а на одиннадцатый день нас, бывших узников, наконец распределили. Тех, кто крепче на вид, в том числе и меня, назначили в пикинёры, остальные стали валетами, ну а Марко вступил в ряды стрелков. Помимо

длинной пятнадцатифутовой пики мне выдали ещё и отрез грубой грязно-белой ткани, как выяснилось позже, её следовало наматывать на голову и закрывать лицо, чтобы защититься от жары и песка.

Под конец второй недели было объявлено, что ранним утром мы, наконец, выходим. Правда, как оказалось, роте капитана Намюра снова предстоит отделиться от остальных, пока большая часть лигурийцев пойдут на запад в Икосию, вместе с кардолузийскими терциями, пятой роте, то есть нашей, приказано отправиться далеко на юг, для усиления гарнизона крепости Аждаб. Ещё до рассвета солнца нас построили перед крепостью, и, по команде "movete!", мы неспешным шагом отправились навстречу тяжёлой солдатской судьбе.

Чудное зрелище представляет собой имперская пехота на марше, когда рядом со стройными, рядами пикинёров и аркебузирова, толпой, будто простые бродяги, плетутся вальтеры, местные носильщики, маркитанты, а в нашем случае ещё и гружённые верблюды. Как правило, если посчитать, то на одну терцию, сверх количества пехотинцев, приходилось ещё с половину этого числа сопровождающих, если включать казначеев, цирюльников, врачей, торговцев и простых шлюх. Впрочем в тот раз, к великому сожалению многих солдат, не нашлось служительниц любви, готовых отправиться в губительные песчаные земли.

Проживя всю мою недолгую жизнь на юге, я самонадеянно думал, что буду куда более стойко переносить зной, чем пришедшие с севера лигурийцы, однако жара Терраситики была совсем иной. Земля Жажды, древние эквы Первой Империи позаимствовали это название у кого-то из населявших эту пустыню, хотя, на мой взгляд, уместнее было другое распространённое название – Амалл'н'тири, Злой Песок. Земля, солнце, ветер, в великой пустыне будто все хочет изжарить тебя, а воздух иссушивает горло, будто пытаешься дышать рядом с раскалённым кузнечным горном. Даже офицеры старались не прикрикивать на солдат лишней раз, чтобы не растрачивать силы. Через несколько часов марша в молчаливом душающем зное, пика на плече казалась неподъёмной.

Днём армия становилась на привал, поскольку идти дальше в самый зной, когда солнце в зените, было не под силу даже местным проводникам и погонщикам верблюдов. Мы пережидали пекло в душных платках, куда забивалось до десяти человек. В лучшие годы десять человек и составляли одну эскадру, вместе делившую быт и управляемую одним капо, или, как их называли лигурийцы, капралом. Однако на деле, чаще всего, в эскадре было по два, а то и три десятка человек. Во главе нашей стоял Гумберт – старый вояка, с заметной сединой в каштановых усах и бороде, терция была его домом и жизнью, иного он представить себе уже и не мог. Гумберт, хоть был отнюдь не стар, и довольно крепок телом, производил впечатление мудрого дедушки, того самого, к которому в большом семействе все бегут за советом, не потому что он образован и умён, а скорее мудр и обладает той самой житейской хитростью, что приобретается только лишь с годами. Он знал как правильно обматывать ноги тряпицей для длинных переходов, в каких пропорциях лучше разводить поску, как переносить изнуряющий зной и холод.

А последние, к слову, были настоящей напастью в пустыне. Поначалу я думал что только лишь дневное пекло будет донимать нас на переходах, однако, всё оказалось куда хуже. Когда нам на вторую ночь в пустыне выдали из обоза грубые шерстяные одеяла, я не мог взять в толк зачем они нужны, пока ночью не проснулся от пронзающего кости холода, какого до этого мне не приходилось испытывать прежде ни разу в жизни. Как оказалось, по мере углубления в пустыню, ночи становились всё холоднее. Так вышло, что передвигаться мы могли только в несколько часов перед и после рассвета и вечером, когда самый зной спадал.

Впрочем, всё было не так уж и плохо, шли мы по одному из основных караванных путей, и, если везло, то ночь удавалось провести в редких оазисах или караван-сараях. Конечно, спали мы всё так же в палатках, но эскадра могла вскладчину позволить себе разнообразить ужин свежим пресным хлебом, сухофруктами, напитком из кислого верблюжьего молока, а иногда и

мясом. Здесь, уже куда чаще встречались чернокожие, в отличие от севера материка, население которого, преимущественно, составляли смуглые люди, похожие на оскуров.

Я начал больше узнавать о лигурийцах. К моему удивлению, в отличие от того, что я знал об остальных терциях, среди них было мало благородных. Даже те, кого называли дворянами, на самом деле, скорее, являлись сыновьями вождей небольших кланов, ну или же получали дворянство за выслугу, как, например, лейтенант Вермюллен, который был сыном мельника. Даже сам легат-генерал Дюфур де Гельвеция, имел благородную приставку к своему имени не в честь наследных владений, а честь единственного города в Южной Бентании, откуда сам и происходил. Нередко на снаряжение юноши собирали всей деревней, в надежде, что тот потом окупит потраченное с лихвой из жалования и добытого в бою. Конечно же, далеко не все возвращались обратно, по разным причинам.

Ближе всего в своей эскадре я сошёлся с рыжим каледонцем Лугом. Притом, не только потому, что он был единственным моим ровесником, но и так же попал сюда как узник. Многочисленные горные кланы Каледонии не только столетиями вели междоусобные войны, но и являлись головной болью для всех сопредельных государств, постоянно совершая разбойничьи набеги на их земли. Во время одного из таких налётов, совсем ещё юный горец, желавший заслужить называться мужчиной в клане, и попал в плен, выбор у него был небольшой – либо в шахты, либо в солдаты. Как ни пытались, лигурийцы так и не смогли узнать как зовут налётчика, в ответ тот назывался лишь именем древнего бога Луга.

Где-то через полтора месяца пути, взобравшись на вершину очередной дюны, мы, наконец, смогли разглядеть вдалеке очертания древней крепости, а значит уже на закате наши ноющие ноги ждал заслуженный отдых. Капитан Намюр отдал приказ идти, не останавливаясь на привал, несмотря на полуденное пекло. Впрочем, все и так были готовы маршировать несмотря ни на что, уже предвкушая конец изнурительного шестинедельного перехода.

Немного может быть столь обманчиво, как дорога в дюнах, разве что только налоговая ведомость крупного торгового дома и уверения офицера кавалерии в любви к юной деве до гробовой доски. Каждый раз, когда кажется, что до цели путешествия осталось совсем немного, впереди ждёт очередной долги подъём, а за ним спуск и снова подъём. Мне всё время чудилось, что до стен осталось совсем немного, пройти совсем чуть-чуть, но будто демоны пустыни издевались над нами, сколько бы мы не шли под испепеляющим солнцем, но древняя, построенная ещё эквами, крепость, будто и не становилась ближе.

Когда до ворот Аджаба оставалось всего несколько миль, я, как и, подозреваю, многие из роты, уже в мыслях наслаждался тенью и прохладной водой из колодца с винным уксусом. Внезапно, погонщики верблюдов непривычно оживились, что вообще нехарактерного для спокойного народа тазеритов. Поначалу я решил, что даже пустыnnики не смогли сдержаться ликования, предвкушая отдых, однако, выражения их лиц и возгласы "Арби! Арби!" будто не предвещали ничего хорошего. Главный среди погонщиков подбежал к капитану Намюру и начал спешно пытаться объяснить тому что-то указывая рукой на восток, другие из всех сил хлестали верблюдов, подгоняя их. Сколько ни вглядывался, я так и не мог понять что именно пытается показать тазерит, однако вскоре смог различить далеко на горизонте буроватую дымку в небе.

"Celerate! Celerate!" – прокричал приказ Намюр и рота ускорила шаг. "Celerate! Ещё быстрее, чтоб вас!" – подгонял легионеров капитан, которого слова погонщика, видимо, не на шутку взволновали. Забыв про усталость, мы прибавили шагу, дышать становилось всё труднее, поначалу я решил, что это из-за того, что выдыхаюсь от быстрой ходьбы на жаре, однако, вскоре понял, что воздух действительно становится всё горячее. Несмотря на то, что до заката было ещё далеко, стремительно начало темнеть. А затем, внезапно, будто вся пустыня замолчала, стало необычайно тихо, до этого я даже не понимал, насколько привык к звуку лёгкого, горячего ветерка и шуршания песка, а тут, будто и этого не стало, наступила абсолютная

тишина, только лишь для того, чтобы через несколько мгновений взорваться оглушительным рёвом ветра. В лицо мелкими осколками ударили мелкие песчинки, солдаты стали укрываться тканью накидок, но это не сильно помогало. Горячий, будто вырывавшийся из самых глубин Вечнопылающей Бездны, ветер сбивал с ног.

"О, Митра!" – услышал я совсем рядом. Кто-то молился, кто-то грязно ругался, третьи делали и то, и другое. Ни разу в жизни мне не доводилось видеть ничего столь же пугающего и столь же величественного, как песчаная буря. Будто бы сама земля, устав от многовекового покоя, решила показать свою силу, дотянувшись до самих небес. Огромная, неподдающаяся описанию стена песка движется на тебя, а ты не можешь понять от чего перехватило дыхание, от ужаса или от величия этого зрелища.

Впрочем, восхищаться было некогда, капитан Намюр подгонял нас командами, угрозами и бранью, да и без того каждый вскоре понял, что мы должны, во что бы то ни стало, добраться до крепости. Мы почти перешли на бег, погонщики распрягли ослов из обоза и гнали их к воротам Аджаб, вальеты, врачи и прочие просто побежали к спасительным стенам. Однако, ничего не помогло, когда нас настигла стена песка. Рёв оглушал, ветер срывал накидку с лица, а мелкий песок сдирал кожу. Но хуже всего то, что дальше нескольких десятков шагов не было видно ничего, так мы могли заплутать в какой-то жалкой миле от крепости и погибнуть, занесённые песком.

"Держись!" – сквозь порывы ветра кринкул мне, обернувшись, идущий впереди Луг, поначалу я не понял что он имел в виду, но посмотрев вперёд увидел, как он держит левой рукой за шиворот идущего перед ним солдата, то же самое делали и их соседи. Я обернулся назад, чтобы передать команду следующему, а сам схватился за Луга. Не знаю сколько мы так брели, левой рукой схватившись за товарища спереди, а правой держа пику, но мне это показалось вечностью. Наконец, я смог смутно различить стены, через несколько минут, мы, наконец, оказались внутри крепости. Как оказалось, всё это время, впереди строя шли погонщики с верблюдами, именно за них и держались первые в строю. Не дожидаясь команды, все бросились к восточной стене. Теперь оставалось только переждать, я сел на песок, оперевшись спиной о стену, казалось что сейчас явно не лучший момент, однако усталость и завывание ветра сделали своё дело, и я так и уснул в этой позе.

– Эй, ворюга, просыпайся. – Разбудил меня голос капрала Гумберта, похоже, это прозвище начинало приклеиваться ко мне. – Ты гляди, уснуть, когда тут демоны в небесах грешников гоняли, что девки епископа от дырки в стене купальни, ну ты даешь. – Усмехнулся старый вояка.

Осмотревшись по сторонам я понял, что буря закончилась, сам подивившись тому, как смог уснуть, когда вокруг творилось такое.

– А, что? Ужин? – Растерянно спросил я спросонья.

– Ха-ха-ха! Ты гляди, уже как настоящий солдат говоришь. – Рассмеялся Гумберт. – Вставай, сейчас познакомишься с главным оружием legionera, пику можешь оставить.

Вскоре нас построили во внутреннем дворе крепости, где раздали деревянные лопаты, и сержант Йост отправил откапывать обоз, занесённый песком. Мы провозились до самой темноты, в тот вечер я впервые в жизни заработал мозоли не от меча.

Глава 8. Крепость Аджаб

Когда-то давно, ещё во времена Первой Империи, крепость Аджаб носила иное, эквейское название, только теперь его никто уже и не помнил. На языке тазеритив слово "аджаб" означало чудо, и так когда-то пустынные прозвали колодец во внутреннем дворе крепости, на многие мили вокруг он был единственным источником воды, что для древнего народа пустыни, веками кочевавшего от оазиса к оазису, он действительно являлся рукотворным чудом.

У крепости Аджаб сходились почти все караванные пути из плодородных земель на юге, если бы вдруг, по какой-то причине, в один ужасный день колодец во дворе крепости просто исчез, то караванщикам пришлось бы тратить значительно больше времени чтобы огибать пустыню по её западной оконечности, конечно же существовал ещё и морской путь, но там безраздельно властвовала Умбрия. Так что, как бы удивительно это ни звучало, но один этот единственный колодец – ключ ко всей пустыне Терраситика, а потерять крепость, по сути, означало бы потерять почти всю Аrenoцию, кроме узкой полосы земли на северном побережье.

Как я узнал со временем, по обрывкам сулхов, домыслов и редким новостям от караванщиков, с началом войны между Тураном и Таролокией, в умбрийские колонии на юге начало прибывать всё больше наёмников-герулов, а значит что-то назревало. Конечно, лучшим исходом, по общему мнению набожных лигурийцев, было бы, если началась резня между умбрийскими и фризландскими колониями, и эти язычники поубивали друг друга. Однако, куда как более вероятен был другой исход, а именно – Умбрия, решив воспользоваться войной на севере, нападёт на единственного союзника королевства Барбазею или, что ещё хуже, крепость Аджаб, поэтому роте Намюра и было приказано усилить собой немногочисленный гарнизон.

С тех самых пор, как Хасод, по научению демона Аримана, из зависти совершил первый грех убийства, людская мысль продвинулась очень далеко от простого камня. Однако, всегда, каждому новому поколению, не давала покоя одна загадка – "Как убивать подобного себе так, чтобы он не мог убить тебя?". Казалось бы, простое решение – быть от врага как можно дальше, так, чтобы он не сумел достать тебя. Тысячелетиями мечи и копыя удлинялись, а стрелковое оружие совершенствовалось, пока на смену арбалетам не пришли аркебузы и мушкеты. Однако по прежнему, как и в старые времена, стрелки оставались уязвимы для удара конницы, конницу мог остановить только плотный строй копейщиков, а с копейщиками легко справлялись стрелки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.